

Дарья Донцова

Доллары царя Гороха

Любительница частного сыска
Даша Васильева

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ **ЭКМО**

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Доллары царя Гороха

«ЭКСМО»

2004

Донцова Д. А.

Доллары царя Гороха / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2004 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

Ну и денек! Вначале Даша Васильева, выехав из Ложкина, наткнулась на стаю... пингинов! Летом, в жару! Они вывели ее к опрокинутому фургону, в кабине которого находился раненый шофер – Сергей Якунин. Он попросил ее передать конверт с деньгами какой-то Кларе... А затем выяснилось, что страшный ураган смел крышу с Дашиного дома, и она вместе с семьей переехала в жуткую халупу с чудачком хозяином. Но бытовые трудности не мешают Даше искать загадочную Клару. А в это время начинают происходить страшные события. Сергей умер в больнице не без помощи медсестры, которая отключила его дыхательный аппарат. Впрочем, она пережила его ненадолго. Вскоре погибла и невеста Сергея, Катя. Даша мечется в поисках загадочной Клары и... впадает в отчаяние – все молодые дамы, с которыми она имеет дело, умирают... Конечно это, неспроста! И любительница частного сыска, словно гончая, берет след!..

© Донцова Д. А., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	41
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дарья Донцова

Доллары царя Гороха

Глава 1

Вся бытовая техника, как правило, выходит из строя на другой день после окончания гарантийного срока. Сегодня утром я, решив в недобрый час побаловать себя капуччино, спустилась на кухню, насыпала в кофемашину арабику, не думая ни о чем плохом, нажала пару кнопок, и... Послышалось раздраженное шипение, потом из агрегата вырвалось облако пара, за ним что-то сверкнуло, и все. Безотказно работавший прибор скончался, успев перед смертью выжать из себя несколько капель плохо приготовленного кофе.

Я уставилась на сверкающую хромированными деталями штуковину. Потом, поняв, что она не собирается оживать, открыла ящик, где хранятся все паспорта на технику, порылась в нем, вытащила нужный и прочитала: «Срок действия гарантии – год со дня покупки». Рядом стояла написанная от руки дата: «15 июля». Я взглянула на календарь: так и есть, гарантия день назад закончилась.

– Ну-ка, подвинься, – заявила спустившаяся со второго этажа Зайка. – У нас есть молоко? Капуччино хочется!

– Мне тоже, – пробормотала я, пытаюсь оценить размер беды.

Интересно, кофемашина умерла совсем? Вдруг ее можно реанимировать? Вот наемдни перестала работать стиралка, я вызвала мастера и узнала, что в ней есть какой-то фильтр, его следовало регулярно чистить. Естественно, никто из домашних тоже не знал об этом, но дело закончилось просто. Мастер показал, что нужно предпринять, и мы снова спокойно стираем. Вполне вероятно, что и в кофемашине имеется нечто подобное...

– Если тебе тоже хочется капуччино, – забубнила Зайка, роясь в холодильнике, – то кто мешает быстренько нацедить себе и остальным по чашке?

– Она не работает, – пролепетала я.

– Почему? – удивилась Зая.

– Что не фурычит? – воскликнул появившийся на пороге Кеша.

– Кофемашина, – сердито сообщила Зайка. – Даша ее сломала.

– Вовсе нет, – я попыталась отбиться, – она сама перегорела.

– Само ничего не портится, – фыркнула Ольга, – небось ты воды не налила.

– Я не такая дура!

– Такая, – мгновенно заявила невестушка, – кто в пятницу включил пустой электрочайник, а?

– Ну, один раз за всю жизнь и на старуху бывает проруха, – возмутилась я, – с каждым может случиться.

– Знаешь, мать, – вздохнул Кеша, – насчет того, что один раз за всю жизнь, – тут ты маленечко слукавила. Ну-ка, давай припомним. Кто, желая вымыть холодильник, проковырял ножом в морозильной камере дыру, через которую вытек весь фреон, а? Мы потом еще два месяца харчи на балконе хранили, спасибо зима была!

– Ну у тебя и память! – восхитилась я. – Дело-то происходило в конце восьмидесятых годов прошлого века.

– Можно и недавние твои подвиги вспомнить, – не успокаивался сынок, – не далее как неделю назад ты утопила в ванне радиоприемник. Чем он тебе досадил? Транслировал плохую музыку? Так сменила бы волну.

Я собиралась сказать, что люблю, принимая ванну, слушать радио и совершенно случайно столкнула маленький приемник в воду – кто-то, скорее всего вытиравшая с него пыль Ирка, сбил настройку, а я всего лишь хотела вернуться к любимой радиоволне, – но промолчала. Какой смысл спорить с Кешей и Ольгой? Теперь будут мне поминать сломанную кофемашину до конца дней.

Вздыхая, я вытащила из шкафчика турку и тут же уронила ее. Деревянная ручка отломилась от медного ковшика.

– Не расстраивайся, – ехидно успокоил меня Кеша, – эка невидаль, опять поломала! Никто от тебя ничего другого и не ожидал.

– Отвяжитесь от мамуси! – закричала влетевшая в кухню Маня. – Во-первых, джезву с огня можно при помощи пассатижей снять, а во-вторых, есть растворимый кофе.

– Терпеть не могу всю таблицу Менделеева в одном стакане, – обозлилась Зайка. – Это же сплошная химия.

– Чаю выпей, – пропела Маня, засовывая в тостер слишком большие куски хлеба.

– Я по утрам пью капуччино! – не сдалась Зайка.

– Сегодня не получится, – вздохнула Маня.

Кеша вытащил из шкафчика банку растворимого кофе, насыпал его в чашку, налил кипятку, хлебнул и сморщился.

– Господи! Кто же у нас его потребляет?

– Никто, – ответила Ирка, до сего момента молча чистившая картошку. – И вообще, чего вы тут все торчите? Идите в столовую, завтрак туда подают! И с какой стати, Дарья Ивановна, вы решили сами капуччино приготовить?

– Как никто? – продолжал допытываться Кеша. – Зачем тогда сия банка тут находится? Все адвокаты ужасные зануды, и Аркашка отнюдь не исключение.

– Фиг ее знает, – пожалала плечами Ирка, – есть не просит, вот и стоит на полке!

Зайка выхватила из руки мужа чашку, отхлебнула, сморщилась и вылила содержимое в окно.

– Эй, – возмутилась Машка, – поосторожней! У нас там куча лягушек живет, с тех пор как Гертруда из аквариума один раз удрала. Еще налижутя этой растворимой пакости и помрут!

– Вы не волнуйтесь, – я попыталась купировать скандал, – съезжу в мастерскую, а если там не возьмутся чинить кофемашину, куплю новую.

Кеша и Маруся молча пошли в столовую, Зайка двинулась было за ними, но потом притормозила и заявила:

– Ты раньше часа лучше не выезжай за ворота.

– Почему? – наивно купилась я.

– Потому что мне нужно добраться до работы, – совершенно спокойно заявила она, – а этого может и не произойти, коли ты тоже поедешь в город: начнется камнепад, ураган, сход лавины. Ты у нас человек, притягивающий к себе неприятности. Ладно бы только на свою голову! А то ведь всем достается!

Я заморгала, а Зайка унеслась в гараж. Подождав, пока она уедет, я поднялась наверх, зашла в свою ванную, умылась, хотела взять полотенце... Крючок, на котором оно мирно висело, отвалился вместе с кафельной плиткой. Мне стало смешно. Может, и впрямь сегодня посидеть дома? Шестнадцатое июля явно не мой день!

Несколько секунд я разглядывала дырку в стене, потом приняла решение: поеду на стройрынок, куплю какое-нибудь средство и сама приклею плитку. Если скажу домашним, что выдрала крючок из стены, насмешек не избежать. Дела тут на две копейки. Плитка не разбилась, надо ее просто насадить на место.

Напевая, я пошла вниз и машинально глянула в окно прихожей. За кустами пионов, спиной к дому стоял Дегтярев. Полковник был в незнакомом мне темно-сером костюме и в гряз-

ной соломенной шляпе. Я слегка удивилась. Время близилось к десяти, отчего приятель не на работе?

– Эй, – крикнула я, высовываясь наружу, – ты зачем там маячишь?

Но он не ответил, даже не повернулся, то ли не услышал моих слов, то ли не пожелал разговаривать.

– Ау! – завопила я. – Дегтярев!!! Очнись! Ку-ку! Доброе утро! Прогуливаешь службу?

– Мать, ты чего? – тронул меня за плечо Кеша. – Свесилась из окна, орешь на всю округу.

Я ткнула пальцем в серую фигуру.

– Да вон, Александр Михайлович глухим прикидывается! Решил с Черри пример брать!

Пуделиха теперь тоже не отвечает, когда не хочет.

Кеша молча посмотрел в сад, потом неожиданно принялся декламировать:

– Одеяло убежало, улетела простыня, и подушка, как лягушка, ускакала от меня...

– Тебе плохо? – забеспокоилась я. – Может, температуру померить?

– Я за свечкой, свечка в печку, я за книжкой, та бежать, коноплю теперь такую я не стану покупать, – мирно закончил Аркадий и начал зашнуровывать ботинки. – То-то Дегтярев обрадуется, когда узнает, что ты его с пугалом перепутала.

– С чем? – попятилась я.

– С пугалом, – повторил Кеша. – Иван трясется над своими пионами, вот и поставил Страшиллу. Мать, может, тебе пойти поспать? Покемарь часок-другой, а потом поезжай на улицу Крашенинникова.

– Зачем? – пробормотала я, разглядывая тучную фигуру со шляпой на голове.

Наш садовник, однако, отличается нестандартным мышлением. Обычно пугало – это просто деревянная конструкция, обряженная в лохмотья. Иван же, похоже, приволок мешок с удобрениями и старательно замаскировал его под полковника.

– На Крашенинникова есть отличная оптика, – ответил Кеша, – закажешь очки! В твоём возрасте уже нужно корректировать зрение.

Входная дверь хлопнула, Аркашка ушел. Я обозлилась до крайности. Что за глупости! Я великолепно вижу! И потом, при чем тут возраст? Некоторые люди еще детьми вынуждены носить очки.

Позлившись, я влезла в «Пежо» и поехала на строительный рынок. В принципе, он расположен не так далеко от Ложкина, всего несколько километров вперед по Новорижской трассе. Но, выскочив на шоссе, я увидела огромную пробку. На перекрестке, на выезде из Ложкина находится пост ДПС, его сотрудники великолепно знают всех обитателей нашего поселка, поэтому я вылезла из «Пежо» и спросила у сержанта:

– Володя, скажите, что случилось?

– Авария, Дарья Ивановна, – пояснил парень, – там впереди полотно чинят, знак поставили «Сужение главной дороги», только нашему народу на все предупреждения плевать, как носились, так и будут носиться, летуны. Вот беда и приключилась. Один «мерс» в ограждение вломился, рядом идущий джип развернуло... Сейчас там просто каша, когда растащат, неизвестно, во пробища... Куда собрались-то?

– На стройрынок.

– А вы в объезд, – посоветовал Володя, – возьмите здесь налево и по дорожке доплюхаете, только осторожненько, там повороты крутые, видимость плохая.

– Небось таких хитрых много, – вздохнула я, – пробку все объехать захотят! И там застряну.

Володя прищурился.

– Э, нет! Только здесь туда повернуть можно, а я никого не пускаю! Нам в Ложкине деньги за что платят? Чтобы посторонние мимо поселка не ездили. Поезжайте осторожненько, никого там нет. Не гоните! Хотя вы-то никогда больше шестидесяти не газуете, вот Аркадий

Константинович, тот ваше! На реактивной тяге летает. Когда он мимо пронесется, наша будка трясется. Без головы совсем!

Я повернула налево и покатила по довольно узкой, но абсолютно пустой дороге. Неожиданно ко мне вернулось хорошее настроение. Жизнь прекрасна! Стоит жаркое, правда, чуть душноватое лето, на небе весело светит солнышко, кругом птички поют, деревья зеленеют. Сейчас куплю клей или какую-нибудь штуку для крепления кафеля к стене, потом прочешу лотки с книгами, съем мороженое...

Внезапно я увидела вдалеке толпу детей в одинаковой черно-белой форме. На всякий случай я засигналила. Ребятишки, с виду совсем маленькие, толпились на обочине. Я почти перестала давить на педаль газа и поползла по шербатым бетонным плитам со скоростью беременного ленивца. Может, это младшую группу детского сада вывели на прогулку? Но какая безответственность! Малышей не сопровождают взрослые. Дети гуляют одни. Конечно, этой дорогой редко пользуются, машин вокруг нет, но все равно: как можно оставлять детсадовцев без присмотра!

Полная здорового негодования, я припарковалась, вылезла из малолитражки и пошла навстречу детишкам, громко вопрошая:

– Ну, мои хорошие, и где же ваша няня?

Чем ближе я подходила к ним, тем больше удивлялась. Особенно тому, какие у детей странные плоские руки, и совсем испугалась, увидев слишком маленькие головы, лица в белых масках с карикатурно длинными носами. Что за маскарад! И только подойдя совсем близко, поняла: передо мной не малыши, а... пингвины. Да, кажется, прав Кеша – надо купить очки.

Пару минут я растерянно разглядывала компанию. Потом изо всей силы ущипнула себя за руку. Может, я просто сплю? Но нет, на месте щипка начал незамедлительно наливать синяк. Со мной всегда так, стоит удариться, и я тут же покрываюсь фиолетовыми пятнами. Поняв, что пингвины настоящие, я обалдела. Не надо меня осуждать, а вы бы как отреагировали, обнаружив жарким июльским днем на пустынной дороге в Подмоскowie стаю пингвинов?

Слегка раскачиваясь и растопырив ручки-крылья, животные посеменили ко мне и, подойдя вплотную, стали клетотать. Я машинально положила руку на голову самого высокого и удивилась. Надо же, оказывается, у них есть перья! Маленькие, плотно прилегающие к жирному тельцу.

Внезапно солнце забежало за тучу, слегка потемнело, ветерок стих. Я стряхнула с себя оцепенение, вытащила мобильный и, набрав «02», сказала:

– Простите, конечно, но я не беру в рот и капли спиртного, наркотики не употребляю и вполне вменяема.

– Рада за вас, – ответил милый девичий голос, – а зачем вы звоните в милицию?

– Видите ли, я стою на проселочной дороге, недалеко от коттеджного поселка Ложкино, на шоссе авария, – принялась я объяснять суть дела.

Диспетчер терпеливо молчала, очевидно, она привыкла к разным ситуациям, но моя последняя фраза заставила ее воскликнуть:

– Пингвины? Вы пьяны?

– Ну вот! Сразу же специально предупредила, что капли в рот не беру!

С трудом убедив безукоризненно вежливую девушку прислать на место происшествия сотрудников ГАИ, я стала наблюдать за пингвинами. Вдруг один из них резко поднял голову и издал странный звук, больше похожий на скрежет. В ту же секунду стая развернулась и потопала по дороге дальше.

– Стойте! – закричала я и ринулась за ними.

Ей-богу, я совершенно не понимаю, откуда здесь взялись эти птицы, или пингвины млекопитающие? Ладно, я ведь не зоолог и не орнитолог, но, если они сейчас удерут, мне предстоит неприятное объяснение с милицией.

Решив не упускать пингвинов из виду, я бежала по шоссе. Вот уж не предполагала, что неуклюже переваливающиеся с боку на бок птицы такие быстрые.

Дорога, как и предупреждал сержант Володя, резко изгибалась. Я свернула влево и ахнула.

В довольно глубокой канаве лежала на боку машина, грузовик-фургон. Он был весь расписан слоганами «Вам везти, нам стараться» и «Доставим на место все, от щегла до слона».

Пингвины добежали до грузовика и стали что-то сердито обсуждать. Я посмотрела вниз, на автомобиль. Где же шофер? И по какой причине тут произошла авария? Хотя это-то понятно. Водитель, очевидно, из местных, если знает объездную дорогу. Летел небось на большой скорости и не вписался в поворот. Наверное, он вылез из кабины и пошел за помощью.

Кряхтя, я сползла вниз, подошла к фургону и заглянула в распахнутую заднюю дверь – пусто, только полным-полно какой-то дряни, то ли опилок, то ли мелконарезанных тряпок, да валяется большая открытая клетка. Не успела я сообразить, что к чему, как небо внезапно потемнело. Вокруг воцарилась удивительная, невероятная, неземная тишина. Исчезли все звуки, даже мухи перестали летать, и казалось, из воздуха полностью откачали кислород. Атмосфера сгустилась, превратилась в липкий кисель. Я попробовала вдохнуть, поперхнулась, и тут послышался шум, он все усиливался, на лицо упала одна тяжелая капля, за ней вторая, третья, и на землю обрушился ливень.

Недолго думая, я впихнула в фургон совершенно не сопротивлявшихся пингвинов и юркнула за ними.

– Сидите тихо, – велела я им, – хоть не вымокнем, правда, вам, наверное, наплевать на дождь, даже нравится.

Ливень хлестал по крыше фургона с оглушительным грохотом. Честно говоря, сидеть в поваленном грузовике было не слишком комфортно, но все же лучше находиться здесь, чем на дороге под проливными струями.

Вдруг капли перестали барабанить по железу. Обрадовавшись, я решила уже вылезти наружу, и тут налетел ветер. Тот, кто читал книгу «Волшебник Изумрудного города», поймет меня, если скажу, что я ощутила себя девочкой Элли из сказки. Невероятной силы ураган гнул деревья. Я с ужасом увидела, как огромная ель, издав страшный стон, рухнула поперек шоссе. Потом на дороге появился мой маленький «Пежо» – его несло, словно невесомое перышко. Со всего размаха автомобильчик врезался в поваленное дерево. Послышался оглушительный треск, и на крышу многострадального «Пежо» обвалилась береза.

Я выскочила из грузовика и вскарабкалась на дорогу. Сейчас что-нибудь шмякнется на фургон, и прощай, Дашутка! Но уже через пару секунд, вся мокрая и грязная, нырнула назад. Снаружи творилось что-то невообразимое. Мое укрытие тряслось, раскачивалось, но не двигалось с места. Пингвины жались ко мне, словно перепуганные мопсы. Они явно искали у человека защиты.

Не могу сказать, сколько времени я просидела, окруженная пингвинами. Ураган стих так же внезапно, как и начался. Стало светло, засияло солнце.

Я выбралась из укрытия и обозрела пейзаж. Дорога была завалена деревьями, под ними серебрились остатки «Пежо». По шоссе неслись потоки воды, которые натекали и в канаву, где лежал фургон. Я попыталась выбраться на асфальт, но ноги скользили по глине, и я сползла вниз. Добралась до кабины, хотела встать на колесо и прыгнуть с него на дорогу, но тут увидела за рулем мужчину.

– Вы шофер? – спросила я.

Мужик, лежавший грудью на «баранке», не ответил, его лицо было повернуто в противоположную от меня сторону. Я присмотрелась и похолодела. Практически вся кабина оказалась залита кровью. Скорей всего на водительском месте сидит труп.

Глава 2

Дрожа от ужаса, я выудила мобильник и тут услышала тихий стон. Потом труп медленно, с очевидным усилием, повернул голову. На меня смотрело совершенно бледное лицо с пугающе черными глазами.

– Не волнуйтесь, – забормотала я, покрываясь потом, – я уже вызвала милицию, сейчас они приедут, вас доставят в больницу и обязательно вылечат.

– Ты здесь? – прошептал раненый. – Откуда?

– Ехала мимо, гляжу, пингвины идут, а потом ветер поднялся... – бестолково залепетала я.

– Возьми, – еле слышно сказал шофер.

– Что?

– Там, в кармане, достань быстрее, пока менты не явились.

Преодолевая страх, я залезла в его куртку и вытащила конверт.

– Нашла? – шептал шофер, ему явно было очень плохо. – Отдай Кларе. Деньги. Нам...

– Ты не нервничай, – я предприняла попытку успокоить беднягу, – сейчас приедет милиция.

Раненый попытался оторваться от руля.

– Отдай Кларе. Деньги. Милиция...

Он не успел договорить, его шея странно дернулась, глаза закрылись.

– Эй, эй, – закричала я, – очнись, миленький!

В ответ – тишина. Мне стало холодно, потом очень жарко, затем начался озноб. Внезапно мужик приоткрыл глаза и просипел:

– Отдай... деньги... нам... Клара...

– Адрес скажи, – попросила я.

– А-а-а, – простонал он и снова потерял сознание.

Я сунула конверт в карман и попыталась успокоиться. Так, сначала я позвоню Дегтяреву. Но полковника на месте не оказалось, а мобильный вещал:

– Абонент находится вне зоны действия сети, позвоните позже.

Зайка с Манюней тоже не желали выходить на связь. Впрочем, и Аркадий оказался недотягаем. Отчаявшись отыскать домашних, я стала названивать Ирке. Но домработница словно сквозь землю провалилась. Она не подошла ни к стационарному аппарату в доме, ни к своему сотовому, но я все же держала трубку возле уха, слушая гудки. Внезапно раздался женский голос:

– Аллю.

– Ира, – сердито воскликнула я, – немедленно иди на ДПС и сообщи, что на боковом шоссе авария...

– Это кто? – донеслось из наушника.

– Ира! Что с тобой? Меня уже не узнаешь!

– Простите, я просто подняла мобильник, а он зазвонил, – принялась объяснять незнакомка, – наверное, выпал, когда пострадавшую в «Скору» несли.

– Кого? – подскочила я.

– А вы кто?

– Дарья Ивановна Васильева.

– Тетя Даша, – взвизгнула девица, – а это я, Аришка Кротова, ваша соседка из двадцать восьмого.

– Я великолепно знаю, где вы живете, – прервала я ее, – лучше скажи мне, как к тебе попал мобильный нашей домработницы? И где Ирка?

- Ее в больницу увезли, – объяснила Ариша.
- Господи, что случилось?
- Да ничего страшного, просто она упала и, похоже, ногу сломала.
- Как? Где?
- Когда из дома собак вытаскивала...
- Собак? Из дома? Почему?
- Так он развалился!
- Кто?
- Дом!
- Наш?
- Ага.

Я почувствовала головокружение и закричала:

– Арина, объясни спокойно, в чем дело?!

– Ваш дом обрушился, а наш нет, – зачастила девица, – Сыромятниковы только без окон остались. Ира, когда ураган начался, бросилась за собаками, она их во двор погнала. А тут как бабахнет! Как грохнет! Трах! Ух! Ваще! Она ногу сломала, Катерина лоб об березу расшибла, а у нашей Али такие шишки на башке!

– Ты хочешь сказать, что ураган разметал наш дом в Ложкине? Но это же невозможно! У нас кирпичное, основательное здание!

– Стены стоят, – взвизгнула Арина, – а крыши нет! Ой, мама меня зовет. Да вы приезжайте, все сами увидите.

В полной прострации я потрясла головой. Пингвины с опаской выглядывали из фургона.

Не успела я сообразить, куда теперь податься, как послышался сначала вой сирен, а затем мужские голоса.

- Смотри, машина.
- Эй, шофер, живой? Отзовись.
- Ну и наломало деревьев!

Это все-таки явились сотрудники ГАИ. Значит, девушка-дежурная не сочла мое сообщение о пингвинах бредом.

– Сюда, – замахала я руками, – скорей, тут раненый.

Примерно через полчаса меня посадили в бело-синий «Форд» и повезли домой. Милиционеры записали все мои данные и сказали:

– Вызовем вас как свидетеля.

Я тупо кивала. В голове билась только одна мысль: что случилось в Ложкине?

Когда меня доставили к калитке, я не сдержала крика:

– О боже!

Когда мы возводили дом, то словно тигры сражались с бригадой. Рабочие, ради собственного удобства, норовили вырубить побольше посадок, мы же боролись за каждое дерево и в результате победили. У всех соседей дома окружают засеянные газонной травой лужайки, у нас же высятся ели, березы, сосны, дубы...

Вернее, высились, потому что сейчас большинство раскидистых красавцев свалилось на крышу нашего несчастного дома. Дорогая немецкая черепица превратилась в осколки, стекла были выбиты, кое-где отвалились облицовочные панели, над входной дверью исчез козырек, сад, любовно выпестованный Иваном, стал похож на кошмар.

Я вцепилась в чудом уцелевшую тонюсенькую елочку и стала бормотать:

– Ничего, ничего, крыша – дело наживное, окна все равно менять хотели, да и ремонт уж пора затевать...

На ночь нас приютили Кротовы. По странному стечению обстоятельств, ураган практически не тронул их дома, разбил всего лишь несколько окон, да и то в бане.

Присмирившие собаки и кошки забились под кресла. Банди и Снап отказались от еды, Черри все время вздрагивала, а Хучик влез ко мне на колени и ни за что не хотел слезать. Едва придя в себя, мы подсчитали убытки.

Ирка сломала лодыжку, Катерина получила сотрясение мозга. Обе лежат в институте Склифосовского, правда, в разных отделениях. Слава богу, больше жертв нет. Иван, перед тем как над Ложкиным пронеслось торнадо, повез в ремонт газонокосилку, а все члены семьи были в городе. К счастью, Анька, Ванька и Серафима Ивановна вместе с Жюли сидят сейчас под Киевом, на даче у Зайкиной мамы.

Потом мы стали думать уже не о людях, а о доме. Мансарда, где живет Манюня, разрушена полностью. Сильно пострадала спальня Зайки и Кеши, зато кабинет нашего адвоката сохранился. В мою комнату, разбив стекло, угодила верхушка сосны. Библиотека, расположенная в холле второго этажа, оказалась нетронутой. На первом этаже повреждений меньше, зато не осталось ни одного целого стекла и совершенно уничтожена веранда, окружавшая особняк.

– Что же делать? – зашмыгала носом Машка.

Аркадий почесал голову шариковой ручкой.

– Ну-у, – протянул он.

– Уж во всяком случае не рыдать, – рывкнула Зайка, – это бесперспективно! Начнем ремонт. Кстати, мы застрахованы. Очень хорошо, что Кеша настоял на включении в страховку форс-мажорных обстоятельств. Помнится, кто-то хохотал в тот момент и уверял всех, будто в Подмосковье исключительно благоприятный климат.

– Ну да, – вздохнула я, – кому же в голову могло прийти, что тут пронесется смерч? Ладно, нас хоть цунами не затопило, помнится, в страховом договоре упоминалось и эта гигантская волна.

– По поводу цунами, пожалуй, я погорячился, – согласился Кеша.

– Жить нам где? – простионала Маня.

Повисло молчание. Потом Лена Кротова, мать Арины, бодро ответила:

– А у нас. В саду есть домик для гостей, там, правда, всего три комнаты, но ведь это не навсегда, перебьетесь как-нибудь.

Я закашлялась. В Ложкине живут отзывчивые, хорошо воспитанные люди. Кое с кем мы находимся в приятельских отношениях, но сейчас все изменилось. Мне не очень хочется вспоминать про Родиона и Нелю, один раз я уже писала об этой страшной истории и больше повторять ее не хочу¹. С остальными же соседями нас ничто не связывает, ну разве что иногда к нам заглядывают Сыромятниковы, и то это никак нельзя назвать дружбой, скорее приятным знакомством. Мы мило раскланиваемся и приветливо здороваемся со всеми жителями поселка. В Ложкине существуют неписанные законы. Въехав в ворота, на огражденную территорию, все водители моментально сбрасывают скорость и тащатся еле-еле, чтобы не дай бог не задеть колеса по тем же дорогам детей на электромобильчиках. Если на ваш участок забрела чужая кошка или собака, следует позвонить охране и сообщить о том, что найдено животное. Раз в месяц управляющий обходит коттеджи, собирая плату за проживание, охрану и маршрутное такси. К обитателям поселка часто навешиваются гости, не у всех из них есть машины, поэтому от ворот Ложкина до станции метро «Тушинская» курсируют два микроавтобуса, пользование которыми включено в квартплату. Так вот, управляющего принято угощать кофе. Уж не знаю, как ему нравится глотать эспрессо подряд во всех тридцати двух коттеджах. А еще мы дружим с сотрудниками ДПС, что находится на повороте в Ложкине, и делаем им по всякому поводу подарки. Но в гости друг к другу ложкинские обитатели не навязываются, у каждой семьи свой личный круг общения.

---

¹ См. Дарья Донцова. «Полет над гнездом Индюшки», издательство «Эксмо».

Поэтому мы практически не знаем Лену Кротову. Ее дочка Арина частенько приходит к Маше, но Лена никогда к нам не заглядывает, единственное, что нам о ней известно: она не замужем и имеет одну дочь. Еще могу предположить, что Лена весьма обеспечена, бедные люди в Ложкине не живут.

– Большое спасибо, – быстро сказал Кеша, – мы очень вам благодарны за приглашение, но у нас большая шумная семья, куча собак, кошек... Если позволите, мы задержимся тут на пару деньков, а потом найдем пристанище.

– Живите хоть год, – пожалала тощими плечиками Лена, – нам веселей будет.

В создавшемся положении я радовалась лишь одному обстоятельству: в гараже, к счастью, совершенно не тронутым бурей, стоит без дела мой старенький «Пежо». Всем хороша эта юркая машинка, кроме одного: на российских дорогах хватает ее максимум на два года, потом начинаются проблемы с амортизаторами, свечами и так далее. Незадолго до бури я приобрела новую «пежультку», а старую пока оставила, решив поразмыслить, как с ней поступить. И вот теперь верный, старый коняшка понадобился вновь, потому что его «сменщик» погиб в завале из деревьев. Я, конечно, получу страховку, но ездить-то на чем-то надо.

Следующие три дня мы посвятили поискам временного убежища. Будучи людьми наивными и не слишком стесненными в средствах, мы обратились в риелторское агентство, где нам моментально предложили массу вариантов.

Я сначала обрадовалась, но потом, внимательно изучив бумаги, глубоко разочаровалась. Сейчас объясню почему.

В городскую квартиру, роскошную, девятикомнатную, с евроремонтом и джакузи, мы не поедem никогда. Во-первых, отвыкнув от Москвы, просто вымрем там без кислорода, во-вторых, у нас собаки. Следовательно, нужен коттедж. Отчего-то свободные особняки оказались лишь на Рублевском шоссе.

– Ни за что! – решительно топнула ногой Зайка. – Отвратительная, перегруженная трасса, по которой, словно летучие мыши на бреющем полете, носятся члены правительства, депутаты и иже с ними. Нам придется тратить по три-четыре часа на дорогу до работы.

Мы признали правоту Зайки и повернулись к агенту. Тот развел руками:

– Больше ничего нет.

– Как это?! – возмутилась Маня.

– Понимаете, – стал оправдываться риелтор, – сейчас середина лета, те, кто сдает дачи, уже давным-давно нашли клиентов.

– Вы просто не хотите заработать, – обозлилась Машка, – мы обратимся в другое агентство!

– Да хоть к самому господу богу, – потерял профессиональную приветливость агент, – никто вам в июле под наем дом не найдет. А если предложат, то лучше в него не ехать!

– Почему? – изумилась я.

– Потому что подсовывают то, что никому не подошло, – пояснил он, – барахло за огромные деньги.

Положение казалось безвыходным. И тут, совершенно неожиданно, нас выручил коллега Дегтярева, эксперт Женька, которого мы знаем много лет.

Приехав в Ложкино и увидев разрушения, Женя сначала качал головой и цокал языком, но потом, услышав Зайкины сетования на отсутствие жилья, мигом сказал:

– Ребята, а на дачу не хотите?

Мы переглянулись.

– Куда? – осторожно уточнила Зайка.

– У меня тут, буквально в двух шагах от Ложкина, – объяснил Женька, – приятель живет. Вернее, его родственник, дядя вроде... ну не помню точно. Деревня Вербилки, слышали про такую?

– Да, – кивнула я, – мы мимо всегда проезжаем, до нее и впрямь рукой подать от Ложкина.
– Вот! – поднял вверх палец Женька. – О том и речь! У этого дяди в Вербилках дом, и он его сдает. Хорошее место, тихое. Сможете все время в Ложкино ездить, за ремонтом следить. Да вы и пешком дойдете, тут километра два, не больше.

– Избушка-то большая? – поинтересовался Кеша.

– А ща узнаем, – пообещал Женька и схватил телефон.

Поговорив с кем-то, он радостно возвестил:

– Ну, супер. Дом стоит в глубине участка, с дороги его не видно. Там приличный забор. В здании два этажа, на первом четыре комнаты, кухня и ванная с туалетом. На втором – две спальни и кладовка. Все деревянное, экологически чистое, есть телефон, канализация и горячая вода, ну и газ с электричеством. Мебель, занавески и все такое. Против собак и кошек хозяин ничего против не имеет. Да, еще там имеется большая крытая веранда. Есть, правда, один минус.

– Какой? – спросили мы хором.

– Киса живет на участке.

– Кто? – удивилась Зайка. – Кошка? Что же в ней плохого?

– Киса, – пояснил Женька, – это хозяин, дядька Андрюшки. У него фамилия Воробьянинов, ясное дело, все его Кисой кличут.

Я хихикнула. Да уж, не позавидуешь однофамильцам известных литературных персонажей. Со мной в институте работал Николай Иванович Плюшкин, очень милый, совсем не жадный мужчина, всегда хорошо одетый и благоухающий одеколоном. Но вот странность, стоило мне столкнуться с ним в коридоре, как мне начинали мерещиться лохмотья, правда, ровно одну секунду, затем наваждение пропадало. А с Оксаной одно время оперировал Родион Раскольников. И тоже ничего плохого не делал, занимался больными, был весьма успешным хирургом, но Оксане становилось рядом с ним не по себе.

Поэтому я хорошо понимаю, почему к человеку по фамилии Воробьянинов прилепилась кличка Киса. Интересно, он сам читал бессмертные книги Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»? Хотя это глупый вопрос. С такой-то фамилией!

– Киса очень тихий, – частил Женька, – и живет не в большом доме, а в крохотной сарайшечке, у забора. Он вам не помешает.

– Почему же хозяин домом не пользуется? – воскликнула Маша.

Женька секунду смотрел на нее, потом объяснил:

– Понимаешь, Манюня, многие люди сейчас нуждаются и пытаются хоть как-нибудь заработать. У Кисы ничего нет, кроме довольно хорошего дома. Вот он и существует на то, что сдает хоромы, а сам в сарайчике перебивается.

– Ладно, – подвел черту Кеша, – нечего тут лясы точить, сегодня четверг, в пятницу после работы мы переедем.

– Может, сначала все же поглядим на месте? – предложила я. – Нельзя так, с бухты-бархты.

– Ерунда, – рявкнул Аркадий, – сколько можно у Кротовых нахлебничать? Чего тебе еще надо? Четыре комнаты внизу, две наверху, терраса.

– Ванная одна, – пискнула Зайка.

– В жизни человека должны быть трудности, – заявил наш адвокат, – пару месяцев придется купаться в общей лоханке.

После чего Аркадий развернулся и вышел. Я посмотрела ему вслед. Конечно, человек не обязан терпеть неудобства, но я не согласна с тем, что отсутствие личного санузла – это серьезное испытание, однако, похоже, нам предстоит перебираться на чужую дачу, даже не осмотрев ее. Если Аркадий закусил удила, его не удастся переубедить.

Глава 3

Решив собрать самые необходимые вещи, я сходила в наш разрушенный дом. На участке вовсю кипела работа. Бригада строителей разбирала завал. На первом этаже три женщины споро укладывали в ящики неразбившуюся посуду и кухонную утварь. Я попросила их отдельно упаковать минимум необходимых для жизни на даче вещей, потом вытащила из своего шкафа кое-какие шмотки, вернулась в домик для гостей и принялась складывать сумку. Внезапно мне на глаза попались грязные джинсы и мятая футболка.

Я разозлилась на себя: надо же, успела обзавестись барскими привычками. Жизнь с домработницей приучила меня не думать о стирке и глажке. Вечером, особо не напрягаясь, я кидаю в кресло одежду, а на следующий день она оказывается выстиранной и выглаженной. Но сейчас я не дома, а в гостях, Ирка же лежит со сломанной лодыжкой, а «Канди» погибла под обломками, придется стирать брюки в тазу.

Я взяла джинсы и решила проверить карманы. Очень хорошо помню, как несколько лет назад я засунула в стиральную машину курточку, в которой лежала записная книжка Кеши. Сами понимаете, в какой гнев впал Аркадий, обнаружив у себя на столе изумительно чистый, абсолютно без всяких записей блокнот.

Внезапно пальцы нащупали что-то плоское, я вытащила слегка помятый конверт и цокнула языком. Надо же! Как я могла забыть! Раненый шофер попросил меня передать письмо некой Кларе. Я же хотела отдать послание милиции, но, узнав о несчастье в Ложкине, забыла про все. Кстати, меня обещали вызвать в качестве свидетеля и не позвонили. Хотя следователь небось пытается соединиться со мной, я дала телефон дома, но провода оборваны, аппарат не работает, номера моего мобильного он не знает. Вот чушь собачья!

Я повертела заклеенный конверт. Ни адреса, ни телефонного номера, вот имя женщины я помню хорошо – Клара. Ну-ка попробуйте найти ее, без фамилии! Может, адрес есть внутри?

Пару минут я колебалась. Совать нос в чужие письма более чем неприлично. Мне бы жутко не понравилось, начни кто-нибудь изучать мою корреспонденцию, но сейчас что делать?

Я все-таки вскрыла конверт и вытащила из него доллары, мятые, достаточно старые, видно, давно ходящие по рукам. Кстати говоря, мне такие нравятся намного больше, чем новенькие хрустящие банкноты. Последние запросто могут оказаться фальшивыми, а истертые баксы гарантированно настоящие. Пять купюр, все по сотне. Еще я обнаружила записку, на которой круглым, ровным почерком было выведено: «Аня Кауфман, Институт полиграфии и печати».

Я повертела деньги в руках. Пятьсот долларов – большая сумма, просто так ее шоферу никто не даст. У нашей семьи нет наемного водителя, мы просто не нуждаемся в его услугах, потому что сами великолепно водим автомобили, а вот у Сыромятниковых служит молодой человек по имени Гена, и я знаю, что его зарплата как раз и составляет полтысячи американских рублей. И как теперь поступить?

Я схватила трубку.

– Да, – проорал полковник, – говори скорей, недосуг мне болтать.

– Фу, как грубо! – возмутилась я. – Небось служебная инструкция предписывает тебе вежливо сказать: «Дегтярев», а не вопить, словно голодный бизон.

– По своему мобильнику я разговариваю как хочу! – перешел в диапазон ультразвука приятель. – Что тебе надо?

– Помнишь, я рассказывала о раненом шофере?

– Быстрее!

– Меня обещали допросить как свидетеля и молчат.

- Значит, ты им не нужна.
- Но я очень...
- Это все?
- Нет!!!
- Что еще?
- Надо узнать имя водителя и в какой больнице он лежит!
- Зачем?
- Ну... понимаешь, я нашла...
- Потом побеседуем.
- Но...

Внезапно Дегтярев совсем елейным голосом просюсюкал:

– Леночка? Вы сегодня чудесно выглядите! Заходите, садитесь. Чай? Кофе? Или, может, сходим в кафе? Это рядом, в двух шагах. Рекомендую данное заведение: мороженое, кофе, тихая музыка...

– Ты с кем разговариваешь? – возмутилась я.

– Я занят, – зашипел в трубку полковник, – пришла важная свидетельница, надо ее приветить, мне просто категорически не до тебя с твоими глупыми вопросами, позвони позже, а еще лучше – покалякаем дома, вечером.

Я не успела произнести и звука, как из трубки понеслись короткие противные гудки. Сказать, что я обозлилась, – это значит ничего не сказать. Ах вот оно что! Леночка! Сюсю-мусю! Со мной, между прочим, Дегтярев никогда так не говорит! И в какое кафе он собрался повести эту тетку? Небось она жуткая уродина! Отвратительная баба! «Мороженое, кофе, тихая музыка». Лысый Ромео! Ну погоди!

Задохнувшись от возмущения, я вновь принялась набирать номер сотового полковника. О черт, сорвалось! Попробуем снова, восемь... пи-пи-пи! Беда с этими кривыми номерами. Дегтяреву нужно давно приобрести прямой номер. Но каждый раз, когда кто-нибудь из домашних говорит ему: «Александр Михайлович, до тебя трудно дозвониться», полковник начинает возмущаться: «С моей зарплатой я только такой номер себе могу позволить».

Конечно, если разгуливать с бабами по ресторанам, никаких средств не хватит! Кстати, меня Дегтярев в кафе не приглашал ни разу! «Леночка»!

Наконец мне удалось соединиться с приятелем.

– Сейчас я временно не могу ответить на ваш звонок, – послышался ровный голос полковника, – оставьте свое сообщение после звукового сигнала.

Я просто задохнулась от возмущения. Нет, каков! У него явно свидание! Выключил мобильный! Невиданное дело! Александр Михайлович даже ночью не отсоединяет аппарат. Сейчас же часы показывают полдень, а у него голосит автоответчик!

– Надеюсь, ты не заказал своей Леночке три порции взбитых сливок, – прошипела я, – это слишком калорийное кушанье для дамы. И потом, у нее начнется понос, не забудь приобрести имодиум. Подумай о своем давлении, не пей много, на улице жара. Кстати, ты уверен, что Леночке так уж нравятся толстые, лыдые, одышливые мужики предпенсионного возраста, похожие на старых мопсов? Проверь по своим каналам, может, она судимая и хочет с твоей помощью получить «чистый» паспорт.

Произнеся эту тираду, я сунула в сумочку телефон с конвертом и пошла к двери. Съезжу в институт полиграфии к этой Ане. С легкостью отыщу ее, небось там не ходят по коридорам стада дам по фамилии Кауфман. Наверное, Аня знает, кто такая Клара.

Сев в «Пежо» и набрав на своем мобильном номер справочной, я мигом выяснила адрес института полиграфии и понеслась туда со всей мыслимой скоростью.

Проработав большую часть своей жизни в заштатном вузе, я очень хорошо знаю, что всеобъемлющей информацией о сотрудниках обладают тетки, сидящие в учебной части. Ино-

гда даже кадровик не столь осведомлен, у него имеются лишь официальные данные: родился, учился, женился. А дамы, половину трудового дня посвящающие чаепитию, моментально выложат вам ценные сведения: Иван Иванович содержит любовницу, берет взятки, обожает коньяк и несовершеннолетних девочек. Короче, если хотите узнать о всех подноготную, ступайте в учебную часть, не прогадаете.

Войдя в большую комнату, где за обшарпанными столами восседали разновозрастные женщины, я снова ощутила себя нищей преподавательницей французского языка. В моем институте в учебной части был точь-в-точь такой же «пейзаж»: парочка допотопных шкафов со стеклянными дверцами, на которых висят соборенные занавесочки, огромный железный шкаф, носящий гордое имя «сейф», штук шесть исцарапанных стульев и политическая карта мира на стене. Вот только электрочайник тут был другой, беленький, пластмассовый, а не железный, блестящий, и инспекторши щеголяли в китайских кофточках. В мое время они носили финские трикотажные костюмы.

– Что вам надо? – суровым голосом осведомилась одна из гарпий.

– Подскажите, где я могу найти Аню Кауфман?

– В лаборатории, – вежливо ответила другая служащая, сидевшая у окна, – спуститесь в подвал, комната три. Только скорей всего ее на месте нет. Аня не каждый день на службу ходит.

– А должна бы, как мы, от понедельника до пятницы тут париться за копейки, – недовольно протянула баба, перелистывавшая бумаги.

Я сбегала вниз, обнаружила на двери замок и вернулась обратно.

– Ну, что еще? – пробормотала инспекторша в неимоверно яркой зеленой кофте.

– Там закрыто.

– Вам же сказали, Кауфман ходит на службу два раза в неделю.

– А где она сейчас?

– Понятия не имею, дома небось.

– Булочки трескает, с маслом, – хихикнула самая молоденькая из них, – очень подходящая для Аньки диета.

– Не подскажите ее телефон? – попросила я.

– Права не имею, – отрезала та, что в зеленой кофте, – вы вообще кто такая?

Я оглядела убогое помещение, сердитых теток и, не успев подумать как следует, ляпнула:

– Разрешите представиться, баронесса Макмайер, приехала из Парижа.

Четыре пары глаз впились в меня, четыре челюсти упали на грудь. Я горько пожалела о сказанном, небось после подобного заявления бабы обозлятся и не захотят со мной общаться.

Первой пришла в себя молоденькая.

– По-русски-то вы как мы говорите, – недоверчиво протянула она, – я тоже могу английской королевой назваться.

Еще раз поругав себя за глупость, я выудила из сумочки паспорт гражданки Французской республики и положила его на ближайший стол. Женщина, сидящая за ним, схватила документ и растерянно прочитала:

– Дария Васильеф.

– Дарья Васильева, – поправила я ее, – в документе не указывается титул. Мой муж – барон Макмайер, а сама я эмигрантка, родилась, училась и работала в Москве, отсюда и безупречное владение русским.

– Катя, – растерянно представилась тетка.

– Везет же некоторым, – с завистью протянула зеленокофточная.

– А зачем вам Анька? – жадно спросила Катя.

– Лечу из Парижа в Токио, – я принялась лихо врать, – в Москве всего на один день, меня попросили Ане посылочку передать.

– Можете у нас оставить, – предложила самая молодая.

– С ума сошла! – возмутилась Катя. – Еще сопрет кто, а нам отвечать. Пишите Анькины координаты, она тут под боком живет, через дом от института, небось на диване сейчас валяется.

– Не каждому так повезет, – пробубнила зеленая кофта, – две секунды до работы! Небось поэтому и толстая такая.

Глава 4

Сев в машину, я набрала номер: занято. Потом, включив автодозвон, посмотрела в окно: над Москвой колыхалась жара. Все-таки человек неблагодарное создание: если на улице мороз, он ноет и жалуется на холод, а стоит яркому солнышку взмыть над городом, как опять все недовольны, теперь нам жарко и душно. Кто ж виноват, что в нашем климате комфортных дней с температурой +25 градусов по Цельсию без дождя и ветра случается три, от силы четыре за год? Все остальное время либо холодно, либо жарко. Однако эта Аня просто удавилась на телефонном шнуре. Сколько можно болтать? Лично у меня терпение заканчивается на второй минуте. Хотя если вспомнить Машку, то разговор может затянуться и на три часа! Ладно, навешу Аню без предупреждения. Вон ее дом, буквально в одном шаге отсюда.

Когда госпожа Кауфман распахнула дверь, я невольно ойкнула. На пороге высился равнобедренный квадрат: ширина примерно метр шестьдесят и высота такая же. Сверху, на прямых плечах, без всяких признаков шеи сидела крохотная голова со вздыбленными волосами.

– Вы ко мне? – неожиданно красивым, мелодичным голосом осведомилась женщина.

– Бога ради, простите, – забормотала я, – пыталась длительное время безуспешно дозвониться...

– Телефон сломан, – спокойно объяснила «квадратная», – мастера жду, а вы вообще кто?

– Можно войти? – улыбнулась я. – А то на лестнице как-то не слишком удобно.

Аня со вздохом посмотрела на меня. Ее темно-карие глаза пробежались сначала по моему лицу, затем по фигуре, слегка задержались на кофточке, оценили ее и остановились на джинсах... Наконец хозяйка приняла решение:

– Ладно, входите, только снимите туфли, вот тапочки, и обязательно помойте руки.

Я вошла в выскобленную до блеска прихожую, сменила обувь и под конвоем хозяйки была препровождена в ванную комнату.

– Кран сильно не открывайте, – велела Аня, – забрызгаете все, и мыло аккуратно положите.

Я оглядела выстроенные по ранжиру, идеально вытертые баночки и флакончики, полотенца, строго параллельно висящие на сушке, фен, помещенный в специальную подставку, и поняла: судьба занесла меня к классической старой деве.

Вообще говоря, дамы, никогда не выходившие замуж, не имевшие ни детей, ни любовников, к определенному возрасту распадаются на несколько групп. Одни пылают страшной ненавистью ко всему живому, особое неудовольствие у таких особ вызывают шумные мальчишки, хорошенькие девушки и нежно целующиеся парочки. Другие, наоборот, превращаются в чадолюбивых тетусек, воспитывающих племянников. Так вот, вторые, как правило, бодрые оптимистки, наплевательски относящиеся к домашнему хозяйству. Убрали кое-как – и ладно. Постирали, а гладить необязательно. Зато первые превращают чистоту в фетиш. Полы в квартире моются по семь-восемь раз в день, кухонные тряпки кипятятся, а потом гладятся с двух сторон, все чашки в буфете поворачиваются ручками в одну сторону. И горе тому, кто нарушит заведенный порядок.

Чуть ли не за руку Аня привела меня на кухню, которая по чистоте напоминала операционную, и указала на пластиковый стул с жестким сиденьем.

– Садитесь.

Сама же хозяйка устроилась в удобном, мягком кресле. Я сделала вид, что не поняла Аню, и попыталась, проигнорировав стул, шлепнуться во второе комфортное кресло, но хозяйка была начеку.

– Вам на стул, – железным тоном заявила она.

Пришлось покориться. Очевидно, после ухода гостей она относит пластиковое сидалище в ванную и там обрабатывает его хлоркой.

– Слушаю вас, – пропыхтела Аня.

Я вытащила конверт.

– У вас есть знакомая по имени Клара?

Брови толстухи взлетели вверх, в глазах заплескалось совершенно искреннее изумление.

– Кто?

– Среди ваших подруг нет случайно Клары? – повторила я.

– Нет, – покачала головой Аня. – Она чего, немка?

– Кто? – растерялась я.

– Клара ваша, не русское имечко. И вообще, зачем вы явились?

Я положила конверт на стол и как могла объяснила ситуацию. Аня взяла доллары и усмехнулась:

– Понятно! Вот придумали историю! Клара, шофер! Наврали, нафантазировали, чего правду-то не сказали? Вам где мой адрес дали?

– В институте, в учебной части.

– Катя?

Я на всякий случай кивнула.

– Во народ! – восхитилась Аня. – Ну все просто умалишенные. Нет бы попросту, нормально объяснить: «Анечка, меня направила Катюша, проверьте баксы». Какой стыд-то в этом? Фальшивых купюр сейчас полно...

Продолжая бубнить, она встала, тяжело переваливаясь, дошла до шкафчика, вытащила оттуда лупу, коробку, кисть и, сев снова к столу, начала священнодействовать.

Сперва Аня изучила купюры при помощи увеличительного стекла, а потом, невесть зачем, засыпала их порошком из коробки, смела его кистью, посветила на ассигнации чем-то похожим на карманный фонарик, помяла их в пальцах и сообщила:

– Без обмана, все чисто.

Я решила подыграть ей и сурово поинтересовалась:

– Точно? Не ошиблись?

Аня сердито фыркнула и, недовольно сопя, стала убирать со стола просыпавшийся порошок. Действовала она медленно, методично. Сначала смела остатки маленьким веничком, потом протерла пластик губкой, капнула на покрытие едко пахнущую жидкость из белой бутылочки и принялась ее размазывать тряпкой. Процесс завершился минут через десять. Все это время Аня сердито бубнила:

– Целую жизнь деньгами занимаюсь, лучше меня никто не разберет. Думаете, я лишь с долларами дело имею? Вовсе нет, валюту любой страны мира знаю: фунты, тугрики, юани... Все, что угодно. Между прочим, я – кандидат наук и работу защитила на тему «Хождение фальшивых купюр на рынках Юго-Восточной Азии». А вы! Да никто из моих клиентов никогда не жаловался! Меня в такие места зовут!

Аня, кажется, по-настоящему обиделась.

– Вы меня не так поняли, – решила я исправить ситуацию, – я имела в виду, что не ошиблись те, кто мне за работу заплатил!

– А-а-а, – протянула Аня, – нет, полный порядок, деньги настоящие, только...

– Что? – насторожилась я.

– Они старые, семидесятых годов выпуска, – пояснила она, – странно немного.

– Такие уже не ходят? – Я изобразила испуг. – Вроде американцы новые купюры ввели.

Аня кивнула:

– Правильно, только они срок действия старых не ограничивают, изымают их потихоньку из оборота, и все. Честно говоря, я думала, что все серии прошлых лет давно утилизировали, мне последнее время самый ранний выпуск девяносто четвертого года попался.

– И я эти деньги не смогу потратить?

– Почему? – неожиданно улыбнулась она. – Сколько угодно, говорила же, американцы ничего не отменили, просто купюры ветшают, наступает их естественная смерть, за процессом уничтожения негодных долларов тщательно следит казначейство. Им на смену печатают новые, естественно, на свежее испеченных купюрах ставят их год выпуска. Постепенно одна серия уходит, ее заменяет другая. Понятно?

– Ну, в общем, да. Каким же образом сохранились деньги за семидесятые годы?

Аня развела руками:

– Всякое случается! Кое у кого лежат дома даже царские деньги, керенки. Может, какая-то бабуся хранила их в матрасе, да и умерла, а внуки сдали заначку в банк. Там могли и не заметить, что ассигнации такие древние, они хоть и были в употреблении, но имеют вполне товарный вид. Честно говоря, вопрос, откуда взялись купюры, не интересен. Нас волнует другое: могут ли они служить средством платежа? Ответ: да. Единственное, что...

И Аня вновь замолкла.

– Продолжайте, пожалуйста, – взмолилась я.

– У вас могут возникнуть сложности в простых обменниках, – предупредила меня эксперт, – поэтому рекомендую вам отправиться в банк. И, если служащие там заведут разговор вроде: деньги старые, обменяем по заниженному курсу, советую сразу вызвать управляющего или просто уйти. Учитывая сумму, с вас триста рублей.

Я протянула Ане деньги. Эксперт машинально пощупала их и положила в кошелек.

– Значит, у вас нет подруги по имени Клара?

– Я уже ответила один раз: нет.

– И шофера, водящего грузовик, среди ваших знакомых тоже нет?

Неожиданно Аня покраснела.

– С мужчинами я предпочитаю дел вообще не иметь, – сурово отрезала она.

Я подавила тяжелый вздох. Да уж, исповедуя подобный постулат, вряд ли обзаведешься кавалером. Хотя, учитывая внешний вид Ани, никакие посягательства со стороны мужского пола ей не грозят.

– Где же вы берете клиентов?

– А вам какое дело? – огрызнулась она.

– Я спрашиваю не из праздного любопытства. Если вдруг кому из моих знакомых понадобятся такого рода услуги, можно дать им ваш телефон или адрес?

Аня слегка нахмурилась.

– Ну... в общем... вас-то я не знаю. Вдруг кого криминального пришлете! Я предпочитаю иметь дело в основном с близкими людьми. Вот Кате я доверяю стопроцентно, она мне частенько кого-нибудь подкидывает, за что ей большое спасибо, мне денежки нужны.

Я молча слушала ее, удивляясь про себя крайней нелогичности Ани. Значит, она очень боится посторонних, но сама же, когда я сказала, что ее адрес дали мне в институте полиграфии, воскликнула: «Вас Катя прислала?»

Имя Катя назвала не я, а она сама. И потом, Аня говорит, что нуждается в заработке, но отказывается от клиентов якобы из соображений безопасности! А меня запросто впустила в квартиру.

– Ну если вам клиентов одна Катя присылает, то небось вы с голоду умираете, – не утерпела я.

– Глупости! Мне платят зарплату, не слишком большую, правда, еще есть корпорации, прибегающие к моим услугам. Такие мелкие суммы, как у вас, мне совершенно невыгодно

проверять, но Катя попросила: «Придет от меня человечек, денег у него кот наплакал, тебе невыгодно, но очень прошу, проверь валюту». Только поэтому я и согласилась, у меня оплата от количества купюр зависит. Понимаешь, да?

Я кивнула. Чего же тут хитрого, все ясно. Аня не знает Клару, а вот Катя, скорей всего, как говорит Кеша, в «материале».

– Будьте любезны, – осторожно попросила я, – подскажите домашний телефон Кати, хочу ей позвонить, поблагодарить за то, что свела меня с таким великолепным специалистом, как вы.

Лицо Ани разгладилось и слегка порозовело, видно было, что грубый комплимент доставил ей удовольствие.

– Вы разве не знаете? – спросила она. – Катя ведь в Подмоскowie живет, телефона у нее в доме нет.

– А мобильный?

Аня фыркнула.

– Ну вы и сказанули! Нам такое удовольствие не по карману, каждую копейку считаем, на еде экономим.

Я окинула взглядом ее утрашающе расплывшуюся фигуру. Да уж, похоже, в харчах Аня себя особо не ограничивает.

– Адрес не назовете?

– Чей? – удивилась эксперт.

– Катин.

Анины глаза потемнели.

– Сами-то вы кто? Совсем Катю не знаете? Зачем же она вас прислала?

– Катя – близкая подруга моей родственницы, тети Лены, – я принялась отчаянно выкручиваться, – она меня в институт и отправила.

Аня поморгала глазами и заявила:

– Вот пусть тетка вам координаты и дает. До свидания.

Пришлось уйти несолоно хлебавши.

На улице стало невыносимо душно. Я купила на лотке бутылочку пепси, залпом выпила ее и поняла, что совершила фатальную ошибку. Вся жидкость моментально проступила на спине и лице, и пить захотелось в три раза больше. И ведь я знаю, что ни пепси, ни фантой, ни кока-колой нельзя утолить жажду, как простой водой, и все равно купила эту гадость!

В институте царила прохлада, правда, кондиционерами тут и не пахло. Просто старое, толстостенное здание изо всех сил сопротивлялось уличной жаре. Я вновь заглянула в учебную часть, увидела, что в комнате сидит только одна женщина, миловидная толстушка, и спросила:

– Простите, а где Катя?

– Она ушла, – ответила инспекторша.

– У нее так рано заканчивается рабочий день? – удивилась я.

– Нет, – безнадежно сообщила та, – нам тут положено до половины седьмого париться, и еще могут задержать. Мне так ни разу раньше восьми не удалось уйти. Просто караул!

– Как же Катю отпустили?

– А у нее несчастье случилось, – махнула рукой толстушка, – жених в аварию попал. Да вы входите, чего через порог разговаривать. Нашли Аню? Отдали посылочку?

Я чуть было не спросила: «Какую?» – но вовремя вспомнила, что представилась баронессой Макмайер, и быстро ответила:

– Да, спасибо, Кауфман дома была.

– Куда же ей деваться, – хмыкнула женщина, – она жутко ленивая, лишнего шагу не ступит, наверное, поэтому и жирная такая. Впрочем, я сама не кипарис, но до Ани мне далеко.

– У вас прекрасная фигура, – покривила я душой, – я всегда мечтала обладать большим бюстом, но, увы, приходится донашивать то, что имею.

– Зачем вам Катя? – улыбнулась инспекторша. – Может, я помогу?

– Понимаете, я лечу в Японию, там очень любят черную икру из России. Я отдала Ане посылку, она меня чаем угостила, – лихо летела я на коне лжи, – мы разговорились о том о сем, и Аня сказала, что у Кати есть подруга, которая торгует икрой, контрабандной, из Астрахани, по смешной цене. Вот я и подумала, может, купить пару баночек знакомым японцам, ну в качестве рашен сувенира.

– В первый раз слышу, что у Катюши есть такая возможность, – удивилась инспекторша, – она мне никогда про икру не рассказывала, впрочем, я и не спрашивала, может, у нее и имеется подружка в Астрахани, но только Катя в больницу понеслась. Ее молодой человек – шофер. Честно говоря, не понимаю, что связывает Катюшу с этой личностью, но, видно, сердцу не прикажешь. Сергей работает в фирме, которая занимается перевозками, специализируется на доставке животных. Нам Катя иногда рассказывает, какое это хлопотное дело. Лошади, козы, собаки, кошки... Везде свои сложности и тонкости. В день, когда с ним авария приключилась, Сергей вез пингвинов в зоопарк. Представляете? Фургон опрокинулся, эти птицы... или они млекопитающие, не знаю, разбежались по шоссе...

Толстуха говорила безостановочно, но я почти не слышала ее. Вот оно что! Раненый шофер – жених Кати, следовательно, она должна знать про Клару, и вообще надо оставить Кате доллары и успокоиться.

– Будьте столь любезны, – вклинилась я, – подскажите ее адрес.

Толстуха заколебалась, я навесила на лицо самую сладкую улыбочку.

– Пожалуйста, очень хочется икры в Токио прихватить.

– Пишите, – согласилась инспекторша, – Красногорский район, деревня Опухово, улица Карла Маркса, один.

Я выскочила на улицу, села в «Пежо» и покатила в сторону МКАД. Красногорский район – это очень хорошо, просто отлично, прямо рядом с Ложкином.

Поплутав немного, я добралась до Опухова и обнаружила, что в этом населенном пункте имеется всего-навсего одна улица, по непонятной причине носящая имя Карла Маркса. Дом один оказался у самого леса. Он стоял в глубине двора, а с дороги была видна лишь свежепокрашенная зеленой краской крыша.

Я постучала в ворота и, не услышав ни звука в ответ, толкнула калитку. Перед глазами простерся аккуратный дворик. Обычно сельские жители не занимаются ландшафтным дизайном. Как правило, у деревенских жителей тут и там расставлены ржавые бочки, наполненные водой, а все свободное место занимают грядки. Крестьяне не приучены отдыхать и никогда не станут засеивать свои сотки газонной травой или делать теннисный корт. Это делают, как правило, сейчас только владельцы особняков, а раньше и горожане выращивали на своих участках только овощи и фрукты.

Глава 5

В наше время уже мало кто помнит, что садово-огородные участки, те самые пресловутые шесть соток, начали давать людям при Хрущеве. Как-то Никита Сергеевич съездил с визитом в Германию и был поражен «подберлиньем». Почти вся область вокруг столицы ГДР напоминала сад. Маленькие аккуратные домишки окружали цветники, а на небольших лужайках стояли шезлонги, в которых восседали фрау с вязаньем в руках и герры с газетами.

– Это наши пенсионеры, – объяснили Хрущеву сопровождающие, – они от своего предприятия получают кусок земли, строят маленький домик и ездят отдыхать на выходные дни.

Никита Сергеевич решил внедрить опыт немцев на российской почве. Он был человеком горячим, увлекающимся. То кукурузой все поля засеять велит, то ботинком по трибуне в зале заседаний ООН стучит.

Вот после его указания и началась шестисоточная эпопея. Только наши люди особо цветами увлекаться не стали, ну посеют немного, так, из баловства, а основную часть земли занимали грядки. С газетами и с вязаньем советские пенсионеры не сидели, да и парусиновых стульев у них не водилось, наши люди считали, что отдыхают только лентяи, поэтому дача превращалась в кошмар: с мая по сентябрь счастливые обладатели щитовых домиков пахали, сеяли, поливали, пололи, окучивали, боронили, подвязывали, охотились на колорадского жука и гусениц-капустниц, собирали урожай, консервировали, а потом хвастались друг перед другом количеством закатанных банок. Отдыхали осенью, летом никому не приходило в голову поваляться в гамаке или позагорать на берегу речки. Даже в лес ходили не просто так, а с целью набрать грибов и ягод. Бедные советские люди не умели отдыхать, и осуждать их за это не следует. Со страниц газет и экранов телевизоров талдычили: надо постоянно работать на благо социалистического общества, а в магазинах было плохо с продуктами, и домашние заготовки очень радовали зимой. Немцы же, жившие в стране товарного изобилия, могли себе позволить сидеть в шезлонгах. В ГДР в семидесятые годы на прилавках было представлено не менее пятнадцати сортов сосисок. У нас же имелось всего три вида вареной колбасы: докторская, молочная и любительская. Вернее, теоретически выбор был намного больше, но на практике-то нет. И только в конце двадцатого века на шестисоточных участках стали появляться пластиковые столы, стулья, разноцветные тенты и надувные бассейны. Наконец-то наши люди начали понимать: чтобы хорошо работать, нужно отлично отдохнуть, но прежде чем поехать в Турцию, следует вначале потрудиться, причем не на ферме, а на основной службе.

Очевидно, Катя принадлежала к той категории россиян, до которой дошла сия более чем простая истина. Ее дворик был превращен в лужайку. На сочно-зеленой травке стоял диванчик с полосатым матрасом и ярко-красный стол. Поодаль виднелся сложенный из кирпичей мангал. От калитки к дому вела тропинка, выложенная плиткой, а сама избушка оказалась свежеевыкрашенной. Под окнами с наружной стороны висели ящички, в которых буйно цвели неизвестные мне бело-розовые цветочки. Ветерок шевелил занавески, входная дверь была приоткрыта.

Поняв, что в доме есть кто-то из хозяев, я поднялась на крыльцо и позвонила. Но на пороге никто не появился. Подождав пару минут, я вошла внутрь, миновала небольшой холл и попала в гостиную. Здесь было очень чисто и уютно, но пусто. Периодически выкрикивая:

– Катя, вы где? – я пошла по дому.

С виду маленький, внутри он неожиданно оказался большим. Я заглянула в четыре комнаты, потом набрела на лестницу, влезла на второй этаж, увидела просторное мансардное помещение, очевидно, служащее для кого-то из хозяев спальней. Из мебели тут были огромная двуспальная кровать, комод, трюмо, пара пуфиков.

Я дошла до середины мансарды и увидела на постели мирно спящую Катю. Голова ее покоилась на подушке, глаза были закрыты, пушистый плед закрывал женщину до шеи.

Я застыла в нерешительности. На улице очень душно, мне самой хочется спать, Катю разморило, поэтому она и устроилась отдохнуть. Вот мерзлячка, влезла под теплое одеяло! Может, подождать, пока она проснется? С одной стороны, не хочется ее будить, с другой – Катя способна продрыхнуть до самого вечера, а мне нужно сегодня пораньше явиться в Ложкино, потому что нам предстоит переезд в Вербилки, а Дашутке отведена почетная роль координатора процесса.

Поколебавшись некоторое время, я тихонько сказала:

– Катя, проснитесь, пожалуйста!

Хозяйка даже не пошевелилась.

– Катя, не пугайтесь, у вас была открыта дверь, поэтому я и вошла, – сказала я чуть громче, в надежде, что она очнется.

Но Катя продолжала мирно спать. Совсем как Маруся, которую заставить оторвать голову от подушки не способна и канонада. Решив увеличить громкость, я откашлялась, открыла рот и вздрогнула. С улицы донесся дикий звук, оглушительный, воющий, противный. Я подскочила к небольшому окошку и посмотрела вниз. Со второго этажа было отлично видно соседний двор, там всюду шла стройка. Несколько парней, по виду таджики или узбеки, ловко клали кирпичи, еще один мужчина стоял около какого-то агрегата с большой доской в руке. И-и-и-и – визжал железный круг, бешено вращающийся на подставке. Деревяшка мигом превратилась в куски. Я немного успокоилась, это всего лишь электропила. Однако ну и шум же она издает, мертвого разбудить можно.

Внезапно по спине побежали мурашки, и я резко обернулась. И-и-и-и – надрывалась пила, мои уши заболели от слишком высокого, вьедливого звука, а Катя продолжала мирно спать, она даже не шелохнулась.

– Эй, – заорала я во весь голос, – немедленно вставай! Слышишь!

Но никакой реакции не последовало. Вот тут мне стало по-настоящему страшно, и я бросилась по лестнице вниз, не понимая, почему любимые мокасины от Ферре так и норовят слететь с ног.

С бешено колотящимся сердцем я долетела до соседей и стала пинать калитку. Пронзительный звук оборвался, железная створка распахнулась, в проеме появился черноволосый, черноглазый, сильно загоревший парень.

– Пожалуйста, – вопила я, – пойдете со мной!

Но выходец из Средней Азии даже не шелохнулся, он молча улыбался, а потом вдруг с акцентом сказал:

– Моя прости. Сейчас выключим. Доска пилить надо. Моя прости.

– Ты понимаешь по-русски?

– Моя прости. Доска пилить надо, – тупо бубнил он.

– Позови старшего!

В глазах гастарбайтера мелькнула искра понимания.

– Иван Петрович?

– Да, – обрадовалась я, – Иван Петрович!

Но прораб, очевидно почуявший неладное, уже сам поспешил к калитке, он появился за спиной парня, резко отодвинул того в сторону и сказал:

– Мы, конечно, приносим извинения за шум, но пилу включаем только днем, соблюдаем все правила, в десять вечера работа прекращается, поэтому претензии...

– Помогите!

– Что случилось? – напрягся прораб.

– Катя заснула, очень крепко, разбудить ее не могу.

Какое-то мгновение Иван Петрович молчал, потом сказал:

– А ну пошли!

На второй этаж он поднялся один, у меня не хватило духа снова войти в мансарду. Впрочем, пробыл он в спальне хозяйки пару минут, потом спустился и мрачно сказал:

– Она умерла.

– Как?

– Ну, – развел руками Иван Петрович, – может, сердце схватило или удар приключился, с виду совсем целая. Ты милицию вызывай.

– Я?

– А кто же еще?

– Может, вы сами? – с робкой надеждой предложила я.

– С какой стати? – возмутился Иван Петрович. – Тышла, тебе и заморачиваться. И потом, у меня рабочие без регистрации, мигом геморрой получу, придется ментам платить, а хозяин за лишний расход меня по голове не погладит. Давай действуй, телефон на почте есть, в конце улицы домик стоит, «02» бесплатно вызывается, все у тебя отлично получится.

И он убежал. Я выползла во двор и села на яркий диванчик. Очень не хотелось связываться с правоохранительными органами, но ведь нельзя оставить бедную Катю лежать в мансарде. Пока я ходила по дому, у меня сложилось стойкое впечатление: она живет одна. В избе было лишь одно спальное место, то самое, где сейчас находится труп, в ванной комнате в стакане стояла единственная щетка... Наверное, у Кати есть подруги или родственники, может, они часто приезжают сюда, но я никого из них не знаю, и вызывать милицию придется мне.

Сотрудники правоохранительных органов, как правило, не спешат на место происшествия. Если, не дай бог, вы попадете на дороге в аварию, ГАИ прождет целый день; коли вас обокрали, будете несколько часов томиться среди разбросанных вещей, пока не появятся стражи порядка с мрачными лицами. Хотя последнее замечание неуместно – не могут же менты приехать на место преступления, источая улыбки и задавая дурацкие вопросы типа: «Ну, ребята, как у вас делишки, все клево?»

Я промаялась во дворе до семи вечера, изнывая от жажды на полосатом диванчике. Конечно, можно сбегать в местный магазин и купить там минералки, но я боялась упустить представителей закона, а на кухню идти не хотелось. Если честно, мне было страшно сидеть даже во дворе, никакая сила не заставила бы меня войти в дом.

Наконец прибыли специалисты, приехали на гремевшем всеми частями желтом агрегате, именуемом в народе «козлик». Из недр допотопного автомобиля выползли три вспотевших мужика и, распространяя вокруг крепкий запах пота, принялись за работу.

В районе восьми вечера меня отпустили домой. Смерть Кати не вызвала у сотрудников милиции никаких эмоций. Тяжело вздыхая, они заполняли бесконечные бумаги. Дом они осматривать не стали, просто взглянули на тело и занялись канцелярской работой. Конечно, я не ждала, что оперативники начнут рыдать, заламывать руки и причитать: «Какой ужас! Бедняжка! Такая молодая».

Но абсолютное равнодушие приехавших неприятно меня поразило. Милиционеры вели себя так, словно увидели разбитую тарелку. Весь их вид говорил: ну и незадача, угораздило же ее в такую жару умереть! Никакого волнения не выказала и бригада, увозившая тело. Парней озаботил лишь один вопрос: каким образом вынести со второго этажа по слишком узкой лестнице носилки. Пospорив некоторое время, они ловко упаковали останки в черный пакет, пристегнули ремнями к переноске, повернули ношу боком и, кряхтя, снесли ее вниз.

– Что же с ней произошло? – тихо спросила я.

Один из милиционеров пожал плечами:

– Вскроют и скажут. Жара стоит, люди, как мухи, мрут. За эту неделю тут третья преставилась. В понедельник бабка на тот свет отъехала, в среду дедок из пятнадцатого дома.

– Катя молодая, – протянула я, – по виду ей и сорока не дашь.

– А молодые сейчас хуже старых, – парировал сержант, – закалка не та, чуть ветер по сильнее подует, они откидываются!

Чувствуя себя безмерно усталой, я побрела к «Пежо», шаркая растоптанными мокасинами.

– Родственников оповестите, – крикнул мент.

– Чьих? – удивилась я.

– Этой... э... Лебеденко Екатерины Семеновны.

– Говорила же вам, я никого не знаю, приехала сюда впервые, привезла Кате с работы бумаги, – вновь соврала я.

Мент почесал затылок.

– Ну е мое, вечно одно и то же! Ладно, хоть на службе скажите, нам одной докукой меньше станет.

Я машинально кивнула, хотела было сесть в «Пежо», подняла ногу и оказалась босой. Правый мокасин остался на траве. Я хорошо помню, что утром надела удобные белые туфли с черной отделкой и сумочку прихватила в тон к ним. Может, я и старомодна, но глубоко уверена, что у уважающей себя дамы обувь и сумка должны совпадать по цвету. Белый ридикюльчик висит на длинном ремне на моем плече, а вот туфельки почему-то превратились в рыже-коричневое недоразумение из козжама, а у меня нет таких. Даже в самые бедные годы я старалась не покупать обувь из искусственной кожи. Денег на хорошую у меня не было, поэтому летом я носила тапочки из парусины или вельвета. Сейчас же я испытала глубочайшее изумление, рассматривая свои ноги. Ничего не понимаю!

Недоумевая, я влезла в автомобиль, и тут меня осенило. Аня Кауфман, болезненная чистюля, велела мне снять туфли, пришлось влезать в предложенные хозяйкой тапки, в них... я и ушла!

Ругаясь сквозь зубы, я набрала номер квартиры и услышала короткие, назойливые гудки. Значит, ей еще не починили телефон, и придется ехать за обувью, не предупредив хозяйку о визите. Я очень люблю эти мокасы, да и стояли они слишком дорого для того, чтобы просто забыть о них. Но поездку отложу до завтра, потому что сейчас нужно со всех колес нестись в Ложкино. Небось домашние давным-давно погрузили вещи и уже ругают меня.

Переезжали ли вы когда-нибудь на дачу? Глупый вопрос, большинству людей знаком процесс перетаскивания сумок, набитых скарбом, из города в деревню и обратно. Лично я проделывала сию процедуру неоднократно. У нищей преподавательницы иностранного языка в техническом вузе, при полном отсутствии даже самого завалященького супруга, имелось двое детей, поэтому вопрос о приобретении собственного домика, пусть даже крохотного, щитового, без газа и воды, на повестке дня никогда не стоял. Но летом малышам лучше жить на даче, поэтому я снимала на июнь, июль и август пол-избы в деревне, в семидесяти километрах от Москвы. Естественно, никаких коммунальных удобств там не было, и приходилось тащить из города абсолютно все. Каждый раз, пакуя сумки, я говорила себе: «В этом году прихвачу лишь самое необходимое». Но опять набиралась прорва узлов: постельное белье, кастрюли, игрушки, книжки, лекарства, лампы, занавески, посуда, удлинители, свечи, мыло, туалетная бумага, полотенца, обувь, носильные вещи, одеяла, подушки... А еще ящики с тушенкой, пакеты вермишели и куча других продуктов. В советские времена в сельпо торговали только хлебом, каким-то непонятным, не белым и не черным – серым, рыбными консервами, твердокаменными сушками, спичками, солью и карамельками без обертки.

Когда мы построили дом в Ложкине, я почувствовала себя невероятно счастливой – больше не надо переезжать из города в село.

Подъехав к поселку, я увидела джип Аркадия, «БМВ» Зайки и «Жигули» Ирки, до отказа набитые бело-красными клетчатыми сумками. Чуть поодаль виднелся черный «Запорожец» Дегтярева, из окон которого выглядывали Снап, Банди, Хуч и Черри.

– Явилась наконец, – сердито пропыхтела Зайка, подтаскивая ко мне туго набитую торбу, – молодец, знаешь, когда приехать! Все уже сложено, упаковано, перевязано!

– Давайте помогу грузиться, – робко предложила я.

Ольга гневно блеснула глазами.

– Гениальная позиция, у тебя нужно поучиться. С одной стороны, вроде помочь решила, с другой – делать уже нечего. Класс! Супер!

– Не злись, Зая, – заорала Манюня, – мусик все разберет.

Я оглядела шеренгу машин, попыталась пересчитать сумки, сбилась со счета и пришла в ужас.

– Мне одной придется вещи по местам раскидывать? С ума сошли! Вы что, весь дом прихватили?

– Только самое необходимое, – пояснила Машка, – без чего никак не обойтись.

Я ткнула пальцем в довольно большой скелет собаки, стоящий на крыше «БМВ».

– Эти кости тоже нужны?

– Муся, – возмутилась Маня, – без Джона никуда.

Надо же! Оказывается, скелетище кличут Джоном! Ей-богу, каждый день я узнаю что-то новенькое.

– Ты никак недовольна, – прищурилась Ольга, – по-моему, это как раз справедливо. Мы складывали, тебе разбирать.

– Но вас-то четверо, а я одна!

Маня скривилась.

– От Кеши с Дегтяревым никакого толка, лишь под ногами мешались. Оттянут одну сумку – пойдут чай пить, отволокут вторую – есть попросят.

– Эй, – высунулся из джипа Аркадий, – сколько можно языками чесать, сели и поехали, еще распаковываться предстоит.

Глава 6

Дорога заняла меньше пяти минут. Кавалькада машин притормозила у ворот, сделанных из сетки рабицы.

– Калитки нет, – резюмировала Маня.

Мы вкатились во двор, бросили машины около крошечного, покосившегося строения и стали топтаться на месте.

– Где дом? – спросил Дегтярев.

– Насколько я поняла, в глубине сада, – ответила Зая, – вон тропинка.

– Это что такое? – Маня ткнула пальцем в деревянную развалюху.

– Сарай, наверное, – предположила Зайка.

– Маленький слишком, – усомнился Аркадий, – скорей уж собачья будка!

– Что за собака в ней живет? – захихикал полковник. – Высота от пола до крыши метра два.

– А в ширину сантиметров семьдесят, – не сдался Кеша.

– У тебя глазомер никуда не годится, – воскликнул Александр Михайлович, – от стены до стены тут намного больше.

– А вот и нет.

– Да.

– Нет!!

– Да!!!

– Мать, – повернулся ко мне Кеша, – где у нас линейка?

– Вообще с ума сошли, – всплеснула руками Зайка.

Она явно собиралась отчитать упрямого муженька, но тут вдруг раздался противный скрип, боковая стена сарайчика отъехала в сторону, и наружу выбрался мужик. Он был облачен в мятые и грязные спортивные штаны, на плечах болталась футболка, покрытая пятнами, на голове сидела простая солдатская ушанка. В такую жару этот головной убор был как нельзя кстати. На ногах небесного создания чернели галоши. Лица практически не было видно, лопа тообразная седая борода спускалась почти на грудь, клочкастые брови топорщились над глазами, из-под шапки выбивались пряди нестриженных волос.

Дядька, не обратив на нас никакого внимания, вытянул руку и щелкнул чем-то похожим на пульт от телевизора. Стена вернулась на место.

– Здравствуйте, – растерянно сказал полковник.

Мужик сделал пару шагов вперед, налетел на джип, недоуменно посмотрел на него, потом заорал благим матом:

– А! Вы дачники! Здрассти!

– Добрый вечер, – хором ответили мы.

– Здравствуйте! – еще громче завопил дедок.

– День добрый, – вновь откликнулись мы.

Хозяин постоял, покачался с пятки на носок и перешел на визг:

– Привет!

Мы переглянулись и бодро откликнулись:

– Здорово.

Стало тихо.

– Эй, вы глухие? – забеспокоился дедуля. – Чего молчите? Вот горе-то! Такие молодые и уже больные!

– Сам глухой! – рявкнул Кеша.

– Ой, ой, – причитал хозяин, – ну и незадача, как же с вами разговаривать? Господи!

Внезапно Зайка подскочила к мужику и сдернула с его головы ушанку.

«Такие девушки, как звезды, такие звезды, как она», – загремело во дворе. От неожиданности Оля уронила шапку. Дегтярев нагнулся и удивленно воскликнул:

– Ну и ну! Радиошапчонка!

– Точно! – обрадовался дедуська. – Скажи, классно? Сидишь, балдеешь, любимую музыку слушаешь! И руки свободны, можно делать, что хочешь.

– Жарковато немного сейчас в ушанке, – тихо сказала я.

– И вообще, люди давно плеер придумали, – влезла Маня.

Дедуся крякнул.

– Да, твоя правда, я не подумал о нем. И насчет жары тоже верно, недоработка вышла.

Вымолвив последнюю фразу, он выхватил из рук Дегтярева воющую голосом Андрея Губина шапчонку, зашвырнул ее в кусты и спросил:

– Вы кто?

– Так дачу у вас снять хотим, – напомнила я.

– Точно! – хлопнул себя по лбу хозяин. – Давайте знакомиться: Киса.

– Просто Киса? – решила на всякий случай уточнить Маня. – Без отчества?

– Ну его на фиг, – заявил хозяин, – топайте по дорожке, особняк в глубине сада.

Вдохновленные словом «особняк», мы протиснулись мимо шипастых кустов ежевики, оказались на полянке и увидели низкое строение, сколоченное из узких темно-желтых досок, самый настоящий сарай, покрытый оцинкованным железом.

Мои домочадцы, очевидно, тоже были поражены внешним видом «дворца», потому что замолчали, а потом стали издавать разнообразные звуки. Зайка судорожно закашлялась, Маня засвистела, Кеша выдавил из себя нечто типа: «Ну-с, ничего вроде, миленький домишко».

– А что это у них на крыше? Ну и флюгер! Гляньте – это же дракон! – воскликнула я.

Дегтярев, повертев головой в разные стороны, не к месту пустился в воспоминания.

– Году этак в девяностом, – забубнил он, – мне пришлось на зону ехать, дело на столе лежало, а главный свидетель срок мотал. Так вот там повсюду такие бараки маячили, правда, без террасок.

– Какие уж в лагере терраски, – протянул Кеша, – еще про солярий вспомни.

– Вы тут устраивайтесь пока, – засуетился Киса, – давайте покажу, что к чему.

– Может, назад к Кротовым вернемся? – робко предложила Машка.

– Ну уж нет, – взвился Кеша, – я не собираюсь выглядеть идиотом! Сначала сложился, уехал, потом вернулся. Раз решили, то все! Живем здесь до окончания ремонта.

И мы пошли оглядывать временное пристанище. Если не придирааться, то снаружи сарая выглядела очень даже ничего. Поднявшись по трем отчаянно скрипящим ступенькам, мы оказывались на довольно просторной веранде. Пол тут был из досок, между которыми светились крупные щели. Из мебели имелись серый от грязи пластмассовый стол, три таких же полумантных стула, пара красных квадратных табуреток на железных ножках, допотопный буфет и почти современный кухонный шкафчик, отчего-то не висящий на стене, а стоящий на полу.

– Ну и ничего, – бодро воскликнула Маня, – можно притащить сюда нашу мебель из ротанга, и будет клево!

Мне терраса тоже показалась вполне пристойной, и, слегка воспрянув духом, я вошла в дом, за мной потянулись остальные.

Сначала мы попали в кухню. Прямоугольный стол, четыре табурета, длинная скамья вдоль стены, древняя плита «Электра», огромная эмалированная мойка, над которой висела проволочная сушка, в углу стоял буфет, сработанный году этак в шестидесятом.

Из кухни путь вел в крохотный отсек, где висел котел отопления и висела газовая колонка. Прямо перед нами была дверь в санузел, но мы свернули налево и оказались в неболь-

шой пеналообразной комнате, темной и узкой. У одной стены стояла кровать, у другой стол и кресло.

– Спальня, – гордо возвестил Киса и потопал дальше.

Мы проследовали за ним и вошли в другую комнату, размером чуть побольше спальни, но тоже узкую и мрачную. Здесь имелись трюмо и круглый стол.

– Гостиная, – сообщил Киса, – а вот лестница на второй этаж.

Я посмотрела на стоящее почти под углом в девяносто градусов деревянное сооружение со ступеньками шириной в ладонь младенца и промолчала.

– Но между комнатами нет дверей! – возмутилась Зайка.

– А зачем они? – удивился Киса. – Впрочем, если хотите, можно занавесочку повесить.

– Странно как, – протянула Машка, – без коридора.

– Он не нужен, – отрезал Киса. – Зато все комнаты имеют выход на террасу. Видите, из каждой дверь идет. Очень удобно, сразу к себе вошел, никому не мешаешь.

– В туфлях и верхней одежде! – обозлилась Зайка.

– И чего? – удивился Киса. – Ясное дело, не босиком. В чем проблема? Не врубаюсь никак! Вы лучше дальше смотрите, там еще две спальни.

– Тоже с выходом на веранду? – уточнил Дегтярев.

– А как же! Конечно! – закивал Киса. – Мой дом один такой на все Вербилки.

– Думаю, такого здания и во всей области не сыскать, – вырвалось у меня.

Киса зарделся.

– Вы полагаете?

Я молча пошла осматривать оставшиеся две спальни. Они оказались такими же узкими, мрачными и серыми. Кровати с никелированными спинками, столы и парочка продавленных стульев. Впрочем, в последней комнатенке нашлось что-то, отдаленно напоминавшее секретер.

– Вот сюда я компьютер поставлю, – оживилась Машка, – буду в Интернете лазить. Можно мне тут поселиться?

– Конечно, – кивнула я, – только выделенной линии здесь, наверное, нет.

– Ничего, – отмахнулась Манюня, – через телефон можно. Где розетка?

– Вот телефона нет, – развел руками Киса, – я это учел при определении платы! Кстати, здесь почта недалеко.

– У нас у всех мобильные! – рявкнула Зайка.

– Подумаешь, «паутина», – быстро затараторила Маня, – и не нужна она никому. Потом, я всегда в городе могу в интернет-кафе зайти.

– Давайте комнаты распределим, – я быстро перевела разговор на другую тему. – Маня тут, мне удобно здесь, Дегтярев у кухни устроится.

– Поближе к продуктам, – хмыкнул Кеша.

– Интересное дело, – уперла руки в бока Зайка, – а мы где?

– На втором этаже очень уютно, – влез Киса, – как раз для молодых! Милуйся хоть целый день, никто не побеспокоит, кровать широкая!

– Офигеть можно, – покраснела Зайка и пошла к лестнице.

Кое-как, цепляясь за перила, мы влезли наверх, увидели такие же узкие, темные спальни с кроватями и примолкли.

– Хоть один шкаф тут имеется? – прервала молчание Ольга.

По звенящим ноткам в ее голосе я поняла, что Заюшка доведена до последней точки и сейчас разразится буря, по сравнению с которой торнадо, уничтоживший наш дом, просто дыхание младенца.

– Какой смысл в шифоньере? – прищурился Киса. – Только красоту испортит. У меня есть гардеробные, гляньте!

Жестом фоксника Киса схватил лежащий на подоконнике пульт, нажал кнопку.

– Ничего себе! – воскликнул полковник.

Часть стены бесшумно отъехала в сторону, и мы увидели дыру.

Согнувшись почти пополам, Кеша заглянул туда и возвестил:

– Здорово придумано! Палки и вешалки.

– Нам туда на коленях вползать? – прошипела Ольга.

– Пошли вниз, – велел Александр Михайлович, – надо сумки разобрать.

– Не хочу тут жить! – взвилась Ольга.

– Альтернативы нет, – хмуро ответил Кеша.

– Это же ненадолго, – вступила я.

Зайка зашмыгала носом.

– Пошли, пошли, – засуетилась Машка, – а что, даже прикольно!

Мы приблизились к лестнице.

– Осторожно, очень крутая, – предупредил полковник.

– Ты жуткий зануда, – топнула ножкой, обутой в элегантную босоножку на высоком каблучке, Ольга, – вечно лезешь с нравоучениями. Между прочим, у меня глаза есть!

– Я всех предупредил, – миролюбиво сказал Дегтярев.

– А меня не надо, – злилась Ольга, – я сама способна оценить ситуацию.

– Ладно, больше не буду никого предостерегать.

– Сделай одолжение! – выпалила Зая и резво зашагала по лестнице, за ней кинулся

Хучик.

Я хотела было последовать за ними, но Киса придержал меня за руку.

– Лучше по одному.

Зайка повернула голову, смерила хозяина с головы до ног уничтожающим взглядом, фыркнула, шагнула не глядя дальше, зацепилась шпилькой за ступеньку и свалилась вниз.

– Зая! – закричал Кеша и бросился на выручку жене.

Хучик, поняв, что случилась неприятность, увеличил скорость. До сих пор мопс спускался почти стоя на передних лапах, настолько отвесной была лестница, но, подстегиваемый криком хозяина, Хуч заспешил. Дальнейшее действие разворачивалось словно в кино. Задние лапки мопса не успели за передними. Толстая попа поднялась вверх, скрученный бубликом хвост взметнулся к потолку. Филейная часть завалилась за голову, и Хучик, сделав в воздухе сальто-мортале, упал на Ольгу.

– Котик! – заорала Маня, кидаясь на помощь собаке.

Столкнувшись с Аркадием, она покачнулась, упала и боком скатилась с лестницы. За ней, не удержавшись на ногах, шлепнулся Кеша, с самого верха кучи-малы оказался Снап, ухитрившийся помчаться за хозяином, я успела ухватить за длинный тонкий хвост Банди. Наш пит в любой показавшейся ему опасной или непонятной ситуации мгновенно прудит лужу.

– Говорил же! – воскликнул Дегтярев. – Спускайтесь осторожно, вы живы?

– Да, – ответил Кеша, – в общем и целом.

– Слава богу! Иначе бы наша юриспруденция и телевидение осиротели, – съехидничал полковник.

Утром я предпочла не высовываться из спальни до отъезда всех на работу. На террасу вышла, лишь убедившись, что большая часть домочадцев уехала.

– Муся, – сообщила сидевшая на веранде Маня, – ко мне сегодня ребята приедут, мы тут субботник устроим.

– Делайте что хотите, – ответила я, включая чайник.

– Ну и классно, – кивнула Маня, – наведем уют. Этот Киса страшный неряха...

– Чайник сломался, – удрученно сказала я, нажимая на красную кнопку, – вот досада!

– Не, это электричество выключили, мы же в Подмосковье, – по-старушечьи рассудительно заявила Машка, – я недавно ездила к Ксюхе на дачу, так у них постоянно свечки горят.

– Надо же! А в Ложкине такого ни разу не случилось!

Маня засмеялась.

– Мусик, ты просто прелесть. В Ложкине стоит свой генератор.

Действительно, я совсем забыла.

– Надо купить свечек, побольше, – заявила Машка.

– Вот поеду в город и привезу, – кивнула я.

– Только с запахом не бери! – предостерегла Манюня. – Я терпеть не могу клубничную отдушку, Дегтярева тошнит от лимона, Кешу скосорыливает мята, а Ольга умирает от кокоса. Лучше простые взять, упаси тебя бог приобрести кокосовые.

Выслушав все инструкции, я села в «Пежо». Значит, так, сначала еду в институт полиграфии и сообщаю о смерти Кати ее коллегам, разыскиваю Аню Кауфман, отдаю ей пакет с тапками и прошу вернуть мои мокасины, затем заруливаю в магазин и приобретаю ящик свечей, только не с кокосовой отдушкой.

В учебной части снова в одиночестве сидела толстушка.

– Здравсти, – недоуменно воскликнула она, – вы разве не улетели?

Я села на стул и, собрав воедино все актерские способности, заявила:

– Такая ерунда получилась! Вас как зовут?

– Кира, – представилась толстушка. – Что случилось?

– Вы, Кирочка, опять одна на работе, – покачала я головой.

Она кивнула.

– У Гали и Веры сегодня библиотечный день.

Вот вам преимущество работы в институте. Всей стране на службу следует ходить с понедельника по пятницу, а у преподавателей и сотрудников учебной части имеется библиотечный день.

Только не надо думать, что вас обязывают киснуть в книгохранилище. Вовсе нет, лишний выходной вы проводите по собственному разумению.

– Катя что-то тоже не пришла, – спокойно сказала Кира, – наверное, заболела.

– Понимаете, – осторожно начала я, – с ней беда приключилась!

– Какая? – вытаращилась Кира. – Опять руку сломала? Она зимой упала и трещину на запястье получила. Вот невезуха!

– Да нет, дело хуже, – мямлила я, – можно сказать, совсем плохо.

– Неужто аппендицит?

– Нет, нет!

– Что же тогда?

– Понимаете, я вчера отправилась к Кате за икрой, – мешала я правду с ложью, – прихожу и тут...

Выслушав мой рассказ, Кира прижала руки к лицу.

– Господи! Не может быть! Это ужасно! Страшно несправедливо!

– Смерть всегда приходит не вовремя, – вздохнула я.

– Но Катюша... Катя... она... – Кира опустила голову на руки и разрыдалась.

Я засуетилась вокруг нее.

– Кирочка, не плачьте. Катя умерла спокойно, во сне, не испытывая никаких страданий и мучений. Насколько я поняла, у нее случился сердечный приступ. Такое, к сожалению, бывает даже в юном возрасте.

– Это несправедливо, – всхлипнула Кира, – именно сейчас! Знаете, она собиралась замуж! Катюша такая романтическая, за ней многие ухаживали...

Из глаз Киры снова полились крупные слезы. Я поискала глазами бутылку с водой или хотя бы графин, но ничего похожего в комнате не нашлось. Внезапно она утихла, вытащила пачку носовых платков и, громко высморкавшись, жалобно спросила:

– Вы ведь не оставите тут меня одну?

– Нет, нет, – успокоила ее я. – Может, вам чайку сделать или кофейку?

– Хорошо бы, – протянула она, – только у нас чайник не фурычит, я пришла на службу, хотела воду вскипятить, утром-то дома есть неохота, тыкала, тыкала в кнопку, а он ничего, умер. Меня всегда сладкое успокаивает. Может, в столовую пойти, съесть чего? Прямо сжимается все внутри. Хотя там очень плохо готовят, одни сосиски с тушеной капустой и каменные коржики. В стране сто режимов сменится, а в нашей столовке всегда будет вонючая капуста и картонная выпечка.

– Давайте в кафе сходим? – предложила я. – Тут неподалеку местечко хорошее есть, называется «Мун», чуть вперед по улице.

– Да знаю я, – прервала меня Кира, – только там дорого, кусочек торта, совсем маленький, сто рублей стоит.

– Пойдемте, я угощаю.

Кира вздохнула:

– Ладно, если вы зовете, я с радостью. Давно хотела там посидеть, только с моей зарплатой в «Мун» не находишься.

Когда мы, устроившись за столиком, сделали заказ, Кира подперла кулаком щеку и сказала:

– Хорошо вам, на иномарке катаетесь, в кафе просто так пойти можете, наверное, полмира повидали, муж у вас богатый, барон, дети небось есть. А у меня... Вы не подумайте плохого, я вам не завидую, просто отчего так получается: одним все, другим ничего?

Я отхлебнула вкусный кофе и улыбнулась.

– Знаешь, в моей жизни бывало всякое, от нищеты до богатства, тебе обязательно повезет, надо только подождать.

– Катя тоже так говорила, – грустно сказала Кира, ковыряя ложечкой гору взбитых сливок, украшающих кусок торта, – ну и где она сейчас? Вчера убежала с работы веселая такая, напевала. Я спросила: «Что у тебя за радость? Вроде жених в больнице». А она сказала: «Главное, он жив. Вот скоро на ноги встанет, и мы поженимся. Надо просто желать себе счастья, и оно обязательно придет». Ну и что, дождалась? Отчего одним везет, а другим нет? Давайте я вам про Катю расскажу?

Глава 7

Если честно, то больше всего я хотела получить назад свои мокасины от Ферре и узнать, в какой больнице лежит шофер, всучивший мне доллары. Слава богу, он жив, вот пускай сам и отдает денежки.

Но Кира приняла мое молчание за знак согласия и заговорила, я машинально стала слушать ее повествование. Ничего особенного в нем не было. Когда-то со мной в институте училась Аня Решетова, вот она тоже полжизни ждала прекрасного принца, а потом выскочила замуж за лысого вдовца, обремененного тремя детьми. В последнее время в нашей стране наблюдается большая напряженка с царевичами.

Кате, правда, повезло чуть больше, чем Ане. По словам Киры, она работала в учебной части несколько лет, а до того была сначала студенткой, а потом аспиранткой в этом институте. Но диссертацию Катя так и не написала, может, потому, что умерли ее родители и ей пришлось думать о хлебе насущном. Какая уж тут наука, если есть нечего и дыры на ботинках. Ректор пожалел девушку и взял на работу; наверное, Катюша предполагала, что это ненадолго, но нет ничего более постоянного, чем временная ситуация. Катя осела за письменным столом, в компании теток, чьи разговоры крутились вокруг мужей, детей и посадок на дачном участке. Потом одна из инспекторш ушла на пенсию, и на ее место взяли Киру.

Через некоторое время Катю и Киру связало некое подобие дружбы. Они ходили вместе в столовую, в хорошую погоду прогуливались до метро. Дальше – больше. Катя пригласила Киру провести выходные у нее в доме. Женщин сближало многое, в частности, желание выйти замуж, завести семью. Но если Кира была готова бежать под венец абы с кем, то Катя хотела большой любви. Кира даже завидовала подруге, у той случались кавалеры. Киroy же никто не интересовался. Наверное, поэтому Катя стала немного раздражать подругу.

– Чего тебе надо? – искренне недоумевала Кира. – Вот Андрей, чем он плох? Внешне ничего, веселый.

– Мало зарабатывает, – объясняла Катя.

– Тогда Лева, – не успокаивалась Кира, – у него и дом, и квартира, и машина...

– А в придачу противная мать.

– А Володя? Он вообще сирота!

– Грубиян, все время матом ругается!

– Ладно, есть еще Денис, вот тут ты ничего возразить не сможешь! Мама за границей живет, сам упакован, на скрипке играет!

Катя поморщилась, пожевала нижнюю губу и выдала:

– У него ребенок от первого брака растет!

– Ну и что?

– Мой сын должен иметь отца, который будет принадлежать только ему, – отрубил Катя, – и вообще, Денис всем хорош, но не орел, понимаешь?

– Ага, – мотнула головой Кира, – яснее некуда. Ждешь прекрасного рыцаря на белом коне. Так и одной остаться можно.

– Лучше без мужа, чем с нелюбимым, – заявила Катя.

– Мне бы хоть бросового кавалера, – вздохнула Кира, – пусть не замуж, просто так, родила бы себе ребеночка, все не одной в старости маяться.

– Глупости, – оборвала ее Катя, – дети должны рождаться только по большой любви.

Кира не стала спорить с ней. Отношения подруг стали прохладными, но потом Катерина прибежала на работу, сияя от счастья, и Кира поняла – она нашла-таки принца.

Естественно, Киру позвали на помолвку. К тому моменту она уже знала, что царевич – простой шофер, с трудом окончивший школу. Честно говоря, Киру раздирало на части вуль-

гарное любопытство. Страшно хотелось посмотреть на «везунчика». Странно, конечно, что, имея довольно большой выбор, Катя остановилась на парне не своего круга, но, с другой стороны, может, он хорош собой, как молодой Ален Делон?

Сказать, что Кира разочаровалась, увидев избранника подружки, – это не сказать ничего. Сергей оказался совершенно обычным малым: светло-русые волосы, серо-голубые глаза, мелкие черты лица, и фигурой он никак не походил на молодого Шварценеггера. Кроме того, шофер показался Кире просто идиотом. Большую часть вечера он рассказывал анекдоты, грубые, «генитальные». Потом взял гитару и принялся хрипло горланить блатные песни.

Но больше всего Киру поразила Катя. Морщившаяся, когда кто-то из ее прежних кавалеров произносил слово «дурак», подружка с восторгом слушала пересыпанную матом речь Сергея, хохотала до слез над анекдотами и бегала вокруг жениха, восклицая: «Еще мяса? Возьми картошечки».

Шофер спокойно позволял класть себе на тарелку угощенье, а когда Катя, суетясь, стала навязывать парню торт, беззлобно заявил:

– О...ь, надоела!

– Ой! – воскликнула Катя. – Прости, пожалуйста! Я совсем забыла, что ты сладкое не ешь!

Кира ушла домой просто в шоке. Видно, не зря народ придумал пословицу: «Любовь зла, полюбишь и козла». Неужели Катя не видит, с каким уродом решила связать свою жизнь?

Прошло два месяца, и недоумение Киры сменилось завистью. Катя, похоже, искренне считала Сергея королевичем. Все в грубом парне казалось ей прекрасным. Недавняя аспирантка с восторгом повторяла глупости, изрекаемые суженым. Она сама теперь рассказывала пошлые истории, пила пиво, бегала на футбол, одним словом, по мнению Киры, просто деградировала. Но отчего-то Киру душили слезы. Катя-то по-настоящему была влюблена в Сергея, когда же к ней тоже придет счастье?

Пару недель назад Катя вручила подружке приглашение на свадьбу. Торжественная церемония должна была состояться в середине августа. Катя теперь постоянно говорила о подвенечном платье, кольцах, свадебном путешествии. Киру грызла зависть.

– Мы поедем в Турцию, – щебетала подружка, – у Сережи там знакомый есть, Ахмет. Он управляющий в гостинице, сделает нам лучший номер совсем недорого.

Кира хотела было съехидничать по поводу мужей, которые экономят даже на медовом месяце, но удержалась, уж очень счастливой казалась Катя. Потом у Киры внезапно исчезли отрицательные эмоции. Ну какой смысл убиваться, глядя на чужое счастье? Своего-то все равно нет!

– Вот оно как все повернулось, – бормотала сейчас она, уничтожая третий кусок торта, – бог не любит счастливых людей.

– Не говори глупостей, – остановила ее я, – скажи, у Кати было больное сердце?

– Да нет, она никогда на здоровье не жаловалась, – пожала плечами моя собеседница, – мы еще не такие старые, болячки впереди ждут.

Произнеся последнюю фразу, она осеклась и растерянно сказала:

– Меня ждут, а Катю нет, ой, я сейчас...

Быстро вскочив, она понеслась в туалет. Когда Кира вернулась, я быстро спросила:

– Как фамилия Сергея?

– Якунин, – ответила Кира. – Сергей Якунин.

– Где он лежит?

– В травматологии на Полыхаевской улице, – пробормотала она и, залпом допив кофе, принялась за новую порцию сладкого.

Я довезла Киру до института, проводила ее на рабочее место и с облегчением увидела, как она, вполне успокоившись, начала развивать бешеную деятельность. Пока я шла от ее пись-

менного стола к двери, Кира успела позвонить в ректорат, сообщила печальную весть и набрала номер профкома.

– Софья Измайловна, – закричала она, – горе у нас, Катя скончалась. Как это какая? Лебеденко. Да, молодая, и что? Теперь редко кто до вашего возраста доживает! Экология плохая, стрессы... У нее никого нет, хоронить нам придется!

Я тихонько прикрыла облупленную дверь. Кира поплачет и утешится. Жаль Катю, в одном ее бестактная подруга права. Молодой возраст еще не гарантия длинной жизни, всякое случиться может.

Мне же предстояло совершить еще несколько дел: поменять тапки на мокасины, отдать Сергею доллары и купить свечи, не ровен час в Вербилках опять отключат свет.

Начать я решила с обуви. Я спустилась в подвал и вновь обнаружила на двери лаборатории огромный ржавый замок. Машинально потрогала толстую дужку, продетую сквозь допотопные колечки. У Ани что, еще один выходной?

Не успела я задать себе этот вопрос, как на лестнице показалась тощая тетка в ситцевом платье жуткой расцветки. Она глянула на запертую дверь, поджала и без того тонкие губы и процедила:

- Да уж! Непонятно, за что некоторые сотрудники зарплату получают!
- Вы не знаете, где Кауфман? – осведомилась я.
- Должна сидеть на рабочем месте, – злобно рявкнула женщина.
- У нее не библиотечный день сегодня?
- Вчера отдыхала. Лентяйка она!
- Часто опаздывает?
- Да постоянно, зачем только держат на службе такую разгильдяйку?

Я поднялась наверх, набрала номер телефона Ани, услышала длинные гудки и, поняв, что линия до сих пор неисправна, отправилась по знакомому адресу.

Дома никого не оказалось. Позвонив в дверь, я не услышала за ней никаких признаков жизни и повторила попытку. В ответ – тишина. Аня жила в доме, построенном в пятидесятых годах прошлого века, дверь в ее квартиру была простая, деревянная, обитая коричневой кожей. Когда-то у нас с бабушкой на улице Кирова, нынешней Мясницкой, была точь-в-точь такая обивка, я в детстве проковыривала в ней дырки и вытаскивала наружу клочки серо-желтой ваты. Вероятно, Аня живет здесь со дня рождения. Еще в двери, примерно на уровне моих глаз, было прорезано небольшое узкое отверстие. Его прикрывала железная пластинка с надписью «Почта». Я осторожно приоткрыла ее и крикнула:

– Аня, откройте, это Даша, ваша вчерашняя посетительница от Кати. Не бойтесь. Вы меня слышите?

Но в квартире стояла полная тишина. Мне было слышно, как на кухне или в ванной из крана капает вода.

Подумав, что мы с Кауфман просто разминулись, я вернулась в институт. Тучная Аня, очевидно, небольшая любительница пеших прогулок, небось она предпочла проехать одну остановку до работы на автобусе, а не топтать пешком по раскаленному тротуару. Ожидая увидеть ее в лаборатории, я вновь сбежала в подвал и опять ткнула носом в замок. Может, Аня сейчас сидит на берегу водоема или наслаждается мороженым?

Решив заехать к ней за обувью вечером, я порулила в больницу к Сергею. Вообще-то я ожидала, что придется упрашивать секьюрити, даже проверила, есть ли в кошельке десяти-долларовая бумажка, но охранники не проявили ко мне никакого интереса, и вскоре я узнала в справочной, в какой палате лежит Якунин, потом вознеслась на нужный этаж и пошла по вытертому, пахнущему хлоркой коридору.

На посту сидела пожилая медсестра. Увидев меня, она нахмурилась.

– Почему без бахил? Вот люди! В отделение прямо в уличной обуви прутся! Вы бы еще в операционную в ватнике заявили. Неужели не ясно? У нас стерильность.

– Простите, я не знала.

– Пять рублей жалко, – не слушала меня медсестра, – господи, за копейку удавятся! А мы мой потом за всеми.

Я быстро вытащила из кошелька сто рублей.

– Можно у вас бахилы купить?

– И где я тебе девяносто пять целковых наберу? – окончательно разъярилась тетка.

– Спасибо, спасибо, – заулыбалась я, – мне не надо сдачи!

Медсестра открыла большой пластмассовый короб, вытащила оттуда пару скомканных, явно побывавших в употреблении одноразовых бахил нежно-голубого цвета и совсем другим тоном сказала:

– Надевайте. Вас я ни разу здесь не видела. Только что положили? Кого? Могу помочь с уходом.

– Огромное спасибо за вашу доброту, только я просто навестить приятеля пришла. Подскажите, где пятая палата?

Поняв, что дополнительного заработка не будет, дежурная вздохнула.

– Идите прямо. А кто вам нужен? Самойлов? Его вчера соперировали.

– Нет, Якунин.

Дежурно-спокойное выражение исчезло с лица сребролюбивой дамы.

– Якунин?

– Да, – кивнула я.

– А вы ему кто?

– Коллега, с работы, – бодро соврала я, – проведать сослуживца отправили.

– Ну и ну, – покачала головой собеседница, – так у вас ничего не знают?

– Что случилось? – воскликнула я, на этот раз с абсолютно искренней тревогой.

– Умер он!

– Когда? – закричала я.

– Тише! – цыкнула тетка.

Я замолчала, в этот момент к посту подлетела девочка лет четырнадцати с виду; не обращая на меня никакого внимания, она зачастила:

– Лидия Семеновна, в двенадцатой Гордин тумбочку сломал, дверцу отодрал, сам, дернул – и ага, а теперь ругается, будто кто-то другой виноват!

– Алла, – строго сказала Лидия Семеновна, – с какой стати ты перебиваешь взрослых? Разве не видишь, мы разговариваем?

– Так она же родственница, – ляпнула Алла, – ходит просто так, а у нас работа.

Лидия Семеновна сурово сдвинула брови.

– Ступай в сестринскую и там подожди!

Алла шмыгнула в дверь, расположенную за спиной суровой начальницы, неплотно ее прикрыв, – выкрашенная белой краской створка тихонько поскрипывала, очевидно, ее раскачивал сквозняк.

– Видали? – вздохнула Лидия Семеновна. – Практиканток из училища прислали, а у них в голове ничего, кроме одного: как бы денег с людей содрать. У нас-то в их возрасте идеалы имелись, лично я шла в медицину, чтобы недужным помогать, а эти! Просто ужасно. Стакана воды так просто не подадут, чуть что за профессиональные обязанности выбивается, мигом про оплату вспоминают.

– Вы тоже мзду собираете, – не утерпела я.

Если честно, меня удивляют взрослые люди, которые, держа в руках сигарету и самозабвенно ею затягиваясь, говорят: «Ванечка, не смей курить, увижу – выдеру ремнем».

Прежде чем налетать на ребенка, посмотри на себя. Лидия Семеновна только что взяла с меня за пятирублевые бахилы сотню, а потом стала упрекать юных практикантов в алчности.

– Если бы у девочек не было перед глазами примера старших товарищей, – закончила я, – навряд ли они рискнули бы требовать с больных деньги. Видят, что вы за принос судна рубли сшибаете, и тоже свой кусочек получить хотят.

– Нас такими жизнь сделала! Зарплата маленькая, а хлопот полон рот.

Я хмыкнула. Слишком многие взяточники оправдываются таким образом, например, сотрудники ГАИ и педагоги, берущие деньги за пересдачу экзаменов. Но перевоспитывать Лидию Семеновну бесполезно, да и не нужно.

– Отчего же умер Якунин? – я сменила тему разговора.

Медсестра хмуро ответила:

– Все вопросы к доктору.

– Но...

– Я не имею права с вами разговаривать. Алла!

Девочка выглянула из комнаты.

– Чего?

– Того, – передразнила ее Лидия Семеновна, – когда вы только говорить нормально научитесь! Пошли на тумбочку посмотрим.

Не успела я и глазом моргнуть, как медсестра умчалась по коридору. Я разозлилась. Надо же быть такой дурой, ну с какой стати я стала отчитывать Лидию Семеновну? Ясное дело, выслушав отповедь, она не захотела продолжать разговор. Теперь надо искать врача.

Добрых полчаса пришлось слоняться по этажу, пытаясь отловить доктора, наконец он нашелся, высокий, сутулый дядька с безжизненным, апатичным лицом. Узнав, что видит перед собой сослуживицу Якунина, он без особых эмоций объяснил:

– Еще когда его привезли, ясно стало – он не жилец! Травмы, не совместимые с жизнью. Но все равно мы попытались вытащить парня из могилы. Даже в какой-то момент решили, что шанс есть. Больной перенес операцию, состояние казалось небезнадежным, а потом бац, и все. В общем, сплошные неожиданности. Да уж, человек предполагает, а господь располагает.

Я вышла в коридор, испытывая почти отчаянье. Пятьсот долларов не слишком большая сумма, но для кого-то она целое состояние. Не могу же я присвоить деньги себе. И потом, родственникам Якунина предстоят крупные расходы: похороны, поминки, установка памятника. Я не знаю, кем приходится эта Клара покойному Сергею, но она явно ему близкий человек, раз, находясь почти при смерти, он подумал о ней.

Обмануть умирающего, не выполнить его последнюю просьбу во всем мире считается грехом. Что же мне делать? Надо отыскать близких Якунина, если же им не известна дама с редким именем Клара, следует потолковать с друзьями и сослуживцами Сергея. Он ведь существовал не в пустыне Гоби, кто-то наверняка знает подробности о его личной жизни. С чего начать? Придется вернуться к Кире, она говорила, что Якунин работал в какой-то фирме по перевозке нестандартных грузов, транспортировал с места на место животных. Небось в Москве не так много подобных предприятий, вдруг Кира знает его название.

– Тетенька, – послышался сбоку бойкий голос, – вы кем Якунину приходитесь?

Я повернулась и увидела Аллочку.

– Здорово вы Лидию Семеновну отбрили, – одобрила она, – правильно сказали! Сама знаете какие бабки с больных рубит! Такса у нее двести рублей в сутки! Во где золотое дно! По семь-восемь человек наберет, две тысячи в день имеет! Знаете, чего она на меня взъелась?

– Нет.

– Я цену ей сбиваю, – хмыкнула Аллочка, – всего-то по пятьдесят рубликов за смену договорилась. Видали, бабка в коридоре лежит? Вот ейный сын меня и нанял, а Лидка тоже на нее рассчитывала. Ясное дело, кого он выбрал!

– Разве ты имеешь право ухаживать за больными?

– Эка трудность, – фыркнула Аллочка, – судно принести да вылить. Я и укол сделать могу, только все назначения медсестры выполняют, это ихняя работа. Лидка ни за что деньги собирает. А бабка все равно помрет, виданное ли дело, в таком возрасте после автокатастрофы выжить. Так вы кто Якунину?

– А тебе какое дело?

Аллочка поманила меня пальчиком.

– Пошли курнем.

Глава 8

Мы выбрались на лестницу, девчушка вытащила пачку сигарет, лихо затянулась и сказала:

– Похоже, у вас денег полно.

– Интересная версия, – улыбнулась я, – на чем она основана?

Практикантка сморщила хорошенький носик.

– Меня не обмануть. Сумочка у вас от Кензо, джинсы от Прада, футболочка «Армани», в ушах сережки от Карера-Карерос и часики «Шопард», ну духи не знаю, как называются, только, сдастся, вы их в «Арбат-престиж» брали, а не на лотке. И причесочка... Вместе с мелированием и краской в триста баксов встала, точно?

Искренне пораженная, я воскликнула:

– Тебе бы оценщицей работать! Как только ты догадалась?

Аллочка засмеялась.

– Ну с волосами легко, у меня двоюродная сестра в «Жак Дессанж» с ножницами стоит, рассказывала, что у них почем. А вещи... так я журналы смотрю. Денег у меня на одежду нет, а глаза имеются, вот и разглядываю. Джинсы ваши в «Космо» есть, сумочка и футболка в «Базаре», ну а серьги я сама на прилавке видела.

– Ты ходишь в бутик «Космос-золото»?

– Зашла тут, – кивнула Аллочка, – помоталась в зале. На второй этаж поднялась, а меня охрана через пять минут выставила, но сережки все равно углядела. Ладно, короче, хотите знать правду про смерть Якунина, платите тысячу долларов!

– Ты с ума сошла! – подскочила я. – С какой стати? Сергей умер, получил в автокатастрофе травмы, не совместимые с жизнью.

Аллочка быстро глянула по сторонам.

– А вот и нет. Только пойдемте отсюда, нам здесь поговорить не дадут. Хотя если вам баксов жалко, то прощайте.

Я схватила практикантку за узкую липкую ладошку и поволокла в «Пежо».

Когда была куплена моя машина, Аркадий категорично заявил:

– Надо затонировать стекла.

– Ни за что! – воскликнула я. – Очень трудно будет ездить назад, ничего не видно.

– Будешь ориентироваться по зеркалам, – настаивал Кеша, – нельзя сидеть, словно в аквариуме, да и вор сразу увидит, что в салоне лежит.

Через пару дней в «Пежо» установили новые стекла, а я, немного помучившись, привыкла и оценила предложение Аркашки, теперь могу делать в машине что хочу и никто меня не увидит.

Запихнув Аллочку на заднее сиденье, я села рядом и велела:

– Говори.

– Деньги вперед.

– Какая хитрая! Вдруг твои слова ломаной копейки не стоят!

Аллочка поджала пухленькие губки и заявила:

– Сергея убили. Больше ничего не сообщу. Хотите знать подробности – платите.

Я растерянно смотрела на девочку, в голове вертелись тяжелые, как свинцовые шары, мысли. Странно, все очень странно. Якунин умирает, впрочем, учитывая тяжесть травмы, в этом нет ничего особенного. Но Катя! Она же совсем здорова была! Или имела какую-то коварную, долго не проявляющую себя болезнь?

– Якунину легче стало, – прервала мои размышления Аллочка, – он в себя пришел, а потом – бац, и того! Но больше я ничего не скажу! Ладно, давайте так поступим. Сначала пла-

тите мне половину суммы, семьсот пятьдесят гринов, а после того, как все узнаете, оставшуюся часть отстегнете.

– Если тысячу разделить на два, то получится пятьсот, – справедливо заметила я.

– С вас полторы штуки.

– Минуточку! Ты же просила тысячу.

– Так я тогда еще вашу тачку не видела, – простодушно объяснила повышение тарифа Аллочка.

Я вытащила из кошелька три зеленые бумажки.

– Пословицу про синицу в руках и журавля в небе слыхала? Держи и говори.

Аллочка посмотрела, потом выхватила из моих пальцев купюры. По ее довольному личику я поняла, что нахалка вовсе не рассчитывала получить затребованную сумму, похоже, что и триста долларов ей много.

Аккуратно сложив ассигнации, девочка довольно вздохнула и завела рассказ.

У нее есть подружка, Вера Коробко. Живут в одном дворе, вместе ходили в детский сад, потом в школу, затем в медицинское училище. И у Веры, и у Аллы нет никаких родственников, кроме мам. Аллочкина мать вполне нормальная, только бедная и слишком замороченная тетка, стоит у прилавка в супермаркете. Денег особых в доме нет, экономить удается на продуктах, мать иногда приносит домой кое-что из харчей, которые подлежат утилизации из-за прошедшего срока годности. Аллочке, естественно, хочется красивой одежды, косметики, золотых сережек, только о таких вещах, как ювелирные украшения, ей и мечтать не приходится. По этой причине Аллочка и пошла в училище, она слышала, будто медсестры отлично зарабатывают, им больные хорошо отстегивают, а еще можно кормиться на местной кухне, там всегда остается еда.

Но по сравнению с Верой Алла жила просто шикарно. Ее мама, накопив рублишек, купала дочери обновки, а один раз они даже летали в Турцию отдыхать, всего на неделю. Поселились в самом дешевом отеле, но это была настоящая заграница.

У Веры же мать пила горькую, а в трезвые минуты пыталась наскрести денег на очередную бутылку. В доме не имелось даже телевизора и холодильника, потому что родительница пропила все. Вера мечтала стать врачом, но очень хорошо понимала, что в институт ей просто так не поступить. Оставалась лишь одна призрачная надежда выбраться из ямы: окончить училище на одни пятерки, проработать год в больнице и пойти на вступительные экзамены по рабочей квоте.

Оказавшись на практике, Верочка, как и Алла, не гнушалась брать деньги у больных. Собственно говоря, стать доктором, хирургом ее подталкивало не благородное желание исцелять людские недуги, а элементарный расчет. На одной лестничной клетке с Верой жила женщина – врач. Дама имела машину, хорошую одежду, у ее сына был плеер, вещь, о которой Вера не могла даже мечтать. Вот поэтому Коробко и решила: профессия медика – прибыльное дело.

Я молча слушала наивные рассуждения Аллочки. Это неправда, что из бедного дитяти обязательно вырастает интеллигентный, целеустремленный, добрый человек. Скорее наоборот, получаются такие, как Алла и Вера. Детство в лишениях формирует комплексы, от которых потом полжизни не избавиться. Слава богу, что у меня в детстве была бабушка, которая как могла баловала внучку. Понравившуюся мне вещь она почти никогда не могла купить сразу, но Фася старательно копила деньги, и в результате я становилась счастливой обладательницей платья, туфелек или куклы. Бабуся никогда не попрекала меня куском хлеба, вдосталь угощала конфетами, а в десятом классе наняла мне репетиторов, чтобы я без проблем сдала вступительные экзамены. Только став взрослой женщиной и заполучив Аркадия, я поняла, как трудно было бабушке тащить на плечах внучку, но я ни разу не слышала от нее жалоб и фразы: «Корми, пои тебя, заразу!»

Я выросла в любви, ласке, с ощущением того, что меня балуют. А вот у Веры и Аллы все было наоборот, поэтому я без удивления сейчас слушала рассказ о том, что случилось с Коробко.

Вчера вечером Верочка пришла к Алле и показала ей огромную сумму – пятьсот долларов.

– Это откуда? – обомлела Аллочка.

– Заработала, – ответила подруга.

– Где? Кто дал? – принялась допытываться Алла.

Вера села на стул.

– Деньги тратить не стану, положу на сберкнижку, пусть проценты растут. Потом еще накоплю и на коммерческое отделение поступлю.

– Лучше одежду купи! – воскликнула Аллочка. – Все равно на оплату учебы не хватит!

– Ну уж нет, – отрезала Вера, – нам в училище остался целый год до диплома. За двенадцать месяцев можно еще тугриков нарыть!

– Где ты их взяла? – заныла Алла.

Вера сначала не хотела откровенничать, но Аллочка надела на нее, и в конце концов подруга раскололась. К ней в больнице подошла женщина, очень милая, с сильно накрашенным лицом, и предложила полтысячи долларов за пустяковую услугу.

Практиканток в клинике использовали вместо санитарок. Вообще-то их должны были обучать профессиональным навыкам, но вечно занятым медсестрам не хватало времени, а техничек дефицит, поэтому практика сводилась к мытью полов, подаче судна, смене постельного белья и сбору грязной посуды после еды.

Так вот, дама, обратившаяся к Вере, попросила на пару минут отключить аппарат у Якунина, просто вытащить вилку из розетки, а потом снова ее воткнуть.

– Зачем? – удивилась я.

– Экая вы несообразительная, – укорила Аллочка, – хотя откуда вам знать! Якунин был на искусственной вентиляции легких, сам дышать не мог!

– Постой, – ужаснулась я, – значит, Вера нарушила работу прибора...

– Ага, – кивнула Алла, – точно. Дождалась, пока медсестра из реанимации выйдет, взяла ведро со шваброй и вроде полы мыть почапала. Ну а потом со штепселем поиграла. Никто и не удивился. Аппаратура работает, а больной тю-тю. Он тяжелый был!

Я вспомнила, как доктор сказал, что у Сергея после операции появился шанс выжить, и пришла в еще больший ужас.

– Боже! Она убила человека! За пятьсот долларов! И ты не рассказала никому?

Алла дернула худенькими плечиками.

– Фигли мне вмешиваться? Верка сама, без меня дело провернула. Боялась, конечно, только ее Катерина уговорила.

– Кто? – подскочила я.

– Ну тетку эту Катей звали, – сказала Алла, – она Верку в кафе повела, тут недалеко, и все-все ей объяснила. На Западе давным-давно безнадежных больных убивают, гуманным способом. Эвта... Эфта... Экта...

– Эвтаназия.

– Во! Точно! А у нас их мучают. Вот Якунин, ясное дело, что ему было плохо. Нет бы спокойно умереть дали. Так операцию сделали, жизнь вроде продлили, а зачем? Катя, невеста Якунина, у нее сил не было глядеть на то, как жених перед смертью страдает, вот и решила ему помочь. Ну какая разница, когда ему на тот свет отъезжать? Во вторник, среду или четверг? Тут в отделении девушка лежала, ногу ей электричкой отрезало. Так орала! Наркотики не брали. Прямо кровь в жилах стыла. А мать ее бегала и лечить требовала. Ну и что вышло? Промучилась дочка неделю и померла. По мне – так лучше сразу!

К моей голове прилила душная, черная волна. Нет, это ужасно, попадешь в больницу и окажешься в зависимости от такой Аллочки! Наглая недоучка станет решать, жить мне или умирать, а при виде приемлемой суммы просто отключит аппаратуру.

Но Аллочка, не заметив впечатления, которое произвел на слушательницу рассказ, преспокойно вещала дальше:

– Вот Вера и решила помочь Якунину. Да еще Катя дала ей свой адрес и пообещала, что, если, не дай бог, возникнут проблемы, она мигом подтвердит, что сама попросила ее об услуге. Но никто ничего не заподозрил.

– Почему же ты мне сейчас все рассказала? – спросила я. – По какой причине сдала подружку?

Аллочка почесала курносенький носик.

– Ну... я попросила у нее в долг, совсем немного, сто долларов, а она не дала! Я и обиделась. Вон какая! У самой денег полно, а мне немножко пожалела, это не по-товарищески! Одним все, а другим ничего?

Где-то я на днях уже слышала эту фразу...

– Вы теперь можете Верку в тюрьму посадить, – мстительно добавила Алла, – и в суд на больницу подать! Денежки с них в качестве компенсации стребуете, моих десять процентов! Вы же вроде родственница Якунина, или я не так поняла?

Значит, Аллочка, плохо разобравшись в ситуации, приняла меня за близкого Якунину человека!

– Сколько же тебе лет, деточка? – спросила я.

– Шестнадцать скоро исполнится, – ответила ушлая девица. – Вам меня не обмануть, – деловито продолжала Аллочка, – коли суд затеете, вся больница загудит, у нас практика долго длится, я мигом узнаю. Так что, если захотите, чтоб свидетелем была, – платите. Нет – скажу, все вы придумали, наврали, вам еще и нагорит. По рукам?

Испытывая огромное желание стукнуть малолетнюю дрянь кулаком в нос, я кивнула:

– Хорошо. Давай адрес Веры.

– Зачем?

– Хочу с нее денег взять, те самые пятьсот баксов, – прибегла я к понятной Аллочке аргументации, – суд – дело затяжное, пока то да се, годы пройдут. Нет уж, пусть она мне сама компенсацию за Сергея платит.

– И правильно! – воскликнула Алла. – Моих оттуда двести пятьдесят гринов.

– Ты говорила про десять процентов, – напомнила я.

– Нет, с Веркиных половина, – не дрогнула Алла.

– Хорошо. Говори ее адрес.

– За него сто баксов.

Да уж, эта девочка своего не упустит. Пришлось выудить из кошелька еще одну купюру. Аллочка окончательно повеселела. Было слышно, как у нее в мозгу щелкает калькулятор, быстро подсчитывающий доход: триста плюс сто да еще двести пятьдесят в перспективе. Нет, день зря не прошел!

– Ехайте до Кузьминок, – сказала Аллочка, – там я покажу.

– Ты мне не нужна!

– Так мы живем в одном дворе!

– Поезжай на метро, моя машина не такси, – заявила я.

– Ну уж нет, – покачала головой девчонка, – еще обманете, все деньги себе заграбастаете!

Пока я в подземке тащиться буду, вы Верку в угол зажмете!

– На машине дольше ехать, чем на метро! И потом, я не знаю ведь, где она живет!

– Нет!

- Ладно, говори адрес, встретимся во дворе.
- Поедете только со мной!
- Я заплатила тебе за информацию! – возмутилась я. – За что ты сто долларов взяла?
- Едем, покажу дом!
- Тогда отдавай деньги назад, – велела я.
- Мне не жаль ста долларов, но откровенная наглость должна быть наказана.
- А вы их у меня отнимите, – прищурилась Аллочка.

Поняв, что девчонка переиграла меня по всем статьям, я села на водительское место и покатила в Кузьминки.

Дом, где обитали Вера и Алла, выглядел совершенно обычно. Ничем не примечательная пятиэтажка. Аллочка вошла в подъезд и позвонила в дверь, украшенную цифрой «1». Подождав несколько минут, она стала безостановочно жать на кнопку и бить ногой в створку, выкрикивая:

- Верк! Отворяй! Заснула, што ль?
- Может, ее дома нет, – предположила я.
- Да куда ей деваться? Там сидит, поругались мы, вот и впускать не хочет.

В ту же секунду дверь открылась. На пороге, покачиваясь, стояла баба самого отвратительного вида. Сальные, давно не мытые волосы спускались на плечи. Тщедушное треугольное личико покрывали синяки, на ней болтался не стираный со дня покупки халат, и пахло от нимфы так, что я начала судорожно кашлять.

Алкоголичка разинула беззубый рот, в воздухе поплыл «аромат» перегара, лука, рыбы и еще чего-то омерзительного.

- Чаво? – прохрипела она.
- Каво! – передразнила ее Аллочка. – Верку позови!
- Этта хто?
- Во! Совсем допилась, – обозлилась Алла, – дочь забыла.
- Ах, Верку...
- Наконец-то! Докумекала. Где она?
- ... ее знает, – сообщила милая мамаша, потом собрала узкий лобик складками и продолжила: – В школе Верка, учится! Надо хорошо уроки делать!
- Да заткнись ты, – отмахнулась Аллочка, – нашлась учительница! Подвинься.
- Ты куда прешь?! – взвизгнула маменька.
- К Верке хочу!
- Пошла вон!
- Сама катись!

Пьянчуга пошаталась пару секунд, потом с неожиданной силой пнула Аллу в грудь. Девочка, чтобы не упасть, схватилась за меня. Ее глаза потемнели.

- Ах ты, сука! – взвизгнула она и ткнула пьяницу кулаком в живот.
- Алкоголичка без звука свалилась на пол. Алла перешагнула через нее и обернулась.
- Чего тормозишь? Пошли.
- Давай отнесем ее в комнату, – предложила я, – еще простудится на полу.
- Аллочка рассмеялась.
- Ну ты и чудо в перьях! Это же пьянь рваная! Она зимой у метро на тротуаре дрыхнет, и никакая зараза не берет. Тебе чего, ее жаль?
- Я кивнула.
- Она ведь человек.
- Она вошь, – сурово перебила меня Алла, – таких давить надо.

Квартирка оказалась крохотной, практически без мебели и очень грязной. Веры не было нигде: ни в большой комнате, ни в маленькой спальне, ни в узкой пеналообразной кухне. Алла открыла санузел и разочарованно протянула:

– А и правда ушла! Давай ее подождем!

Но ко мне совершенно неожиданно вернулся разум. Я подумала: зачем мне нужна эта Вера? С Якуниным она знакома не была, ни о каких его знакомых или родственниках слухом не слыхивала, ну зачем я прикатила сюда? Я не одобряю в данной ситуации никого: ни Веру, решившую заработать, ни алчную Аллочку, ни Катю, избавившую своего жениха от мучений. Хотя вопрос об эвтаназии спорный. Не знаю, как поступила бы сама, поняв, что любимый человек, которому остались на земле считанные часы, измотан болью до последней степени. Может, и попросила бы для него спокойной смерти. С другой стороны, всегда есть надежда на чудо... Для человека, у которого уже практически не функционирует ни один орган?

Разозлившись на себя, я довольно резко ответила:

– Нет, мне пора.

– Но...

– До свиданья!

– Эй, дайте мне свой телефон.

– Зачем?

– Верка придет, позвоню.

– Спасибо, не надо.

– А деньги? Получишь двести пятьдесят баксов.

– Они мне ни к чему.

– Нет уж, стой, – Аллочка вцепилась мертвой хваткой в мое плечо, – говори номер!

Поняв, что так просто девица не отвяжется, я назвала цифры и опять рассердилась. Надо же такого дурака свалить! Ну зачем я назвала правильный? Теперь предприимчивая Аллочка, вознамерившаяся пугать мною Веру, будет названивать безостановочно. Значит, придется менять номер телефона!

Глава 9

Ругая себя за глупость, я ушла из неудобной квартиры и попыталась выбросить из головы мысли об Аллочке, Вере и убогой алкоголичке. Сев в «Пежо», попробовала соединиться с Аней, услышала частые гудки и, окончательно раздосадованная, двинулась к ней домой. Очень хочется вернуть мокасины, они были представлены в магазине всего в единичном экземпляре.

Около двери Ани я наткнулась на молодого парня с чемоданчиком. Стоило мне очутиться на площадке, как он сердито воскликнул:

– Явились наконец! Разве так поступают? Вызвали монтера и удрапали! Я к вам в третий раз захожу, на мне невыполненный заказ висит! Вот, пришлось в нерабочее время к вам топтать! Меня за несделанную работу ругают!

– Я сама разыскиваю хозяйку.

– Вот люди какие! – заворчал парень. – Уехала незнамо куда, а на меня начальство орет! У нас-то строго. Есть заявка – изволь отработать! Разведут грязь, в дом не войти!

– Почему вы про грязь заговорили? – удивилась я, вспомнив хирургическую чистоту Аниной кухни, пластиковый стул, тапки и мытье рук под пристальным наблюдением хозяйки.

– Я почтовый ящик приоткрыл, – объяснил монтер, – так чуть не умер, такой запах шибает! Небось помойку неделю не выносила, кулема! Сейчас жара стоит, отбросы миглом гнить начинают!

Внезапно мне стало холодно. Я очень хорошо помню, как утром поднимала железную пластинку, закрывающую щель, и не почувствовала никакой вони.

– Валяется небось шнур по полу, – ворчал юноша, – весь перекрученный, его ногами шмурыгают, стулья сверху ставят и хотят, чтобы телефон работал! К кому ни зайдешь – грязь! У аккуратных людей аппараты не отказывают. Да вы сами понюхайте!

И он сердито ткнул пальцем в пластинку с надписью «Почта». Я невольно потянула носом и отступила в сторону.

Телефонист глянул на меня.

– Ну, убедились? Разве у хорошей хозяйки мусор гнить станет? Моя жена всегда ведро перед сном моет!

– Вы женаты? – машинально пробормотала я.

– Уже два месяца, – с гордостью ответил парень.

– А как вас зовут?

– Алексей Михайлович, – с достоинством сообщил юноша.

– Вот что, Алексей Михайлович, – прошептала я, – надо милицию вызывать. Это не ведро пахнет.

– А что же тогда? – удивился монтер.

– Ну... думаю... звоните в отделение.

Телефонист секунду молчал, потом развернулся и без всяких слов исчез. Я осталась перед дверью в полном одиночестве.

Следующие часы я провела, пытаясь заставить стражей порядка вскрыть дверь. Милиционеры сопротивлялись как могли. Сначала они не хотели ехать по указанному адресу, потом стали требовать домоуправа, понятых, затем долго искали слесаря, наконец где-то в районе девяти вечера все срослось, и дядька в мятой рубашке и грязных брюках, тихо матерясь себе под нос, ловко справился с замком.

Я хотела шмыгнуть внутрь, но была остановлена суровым сержантом:

– Погодите, гражданочка.

Пока участковый и еще один мент осматривали помещение, я тряслась на лестнице, черт с ними, с мокасинами, ни за что не стану их искать.

Аню обнаружили в кухне. Смерть застала ее во время готовки. На плите стояла кастрюля, в которой виднелась чищенная, уже сильно почерневшая картошка. Хозяйка не успела залить ее водой, на мойке виднелась доска с горкой фарша и две луковицы. От мяса шел отвратительный запах. Аня лежала на полу.

Соседка, приведенная на место происшествия в качестве понятой, сначала мелко-мелко крестилась, а потом напала на участкового с вопросами:

- Чегой-то с ней приключилось?
- Умерла она, – спокойно ответил милиционер.
- Ой, убили! – заголосила бабка. – Чеченцы проклятые!
- Глупости-то болтать не надо, – рявкнул мент.

Судя по мокрым пятнам пота, расплывшимся на спине и груди, участковому было невыносимо жарко.

– Никто ее не трогал, – продолжал он, – никаких ран не видно. Небось сердце прихватило. Вон зной какой стоит! Духотища адова. Ваша соседка женщина тучная, таким всегда тяжелее. Вы того, ступайте, понадобитесь – позовем. И вы, гражданочка Васильева, можете быть свободной.

В полной прострации я села в «Пежо», добралась до Ложкина, увидела дом без крыши, сразу вспомнила все произошедшее с нами и покатила в Вербилки.

У ворот меня встретил Хуч.

– Мальчик, что ты тут делаешь? – удивилась я.

Мопс, всегда с визгом бросавшийся навстречу хозяйке, на сей раз проявил сдержанность. Пару раз лизнув мне руки, он с самым деловым видом скрылся в зарослях гигантских лопушистых растений, буйно раскинувшихся по всему участку Кисы.

Я прошла по тропинке в дом, миновала террасу, открыла ванную и увидела Дегтярева.

– Ой, извини! – вырвалось у меня. – Забыла, что теперь санузел один для всех!

Александр Михайлович повернул голову, и я перепугалась. Из рта полковника пузырями вылезала белая пена.

– Тебе плохо? – кинулась я к нему.

Дегтярев отшатнулся, споткнулся ногой об унитаз и с размаху сел на него.

– Только не волнуйся, – залепетала я, – посиди, отдохни, сейчас все лечат! Может, врача вызвать?

Полковник молча смотрел на меня, потом приоткрыл рот, пены стало больше.

– Кеша! – заорала я.

– Ну что еще? – донеслось из коридора, и в ванную вошел Аркадий.

Увидев полковника, Кеша вовсе не испугался, а почему-то начал ругать Дегтярева:

– Мы ведь договорились не пользоваться туалетом. И вообще, чем вы тут занимаетесь? Мать, оставь полковника одного! Александр Михайлович, какого черта...

Дегтярев схватил полотенце и принялся вытирать лицо.

– Что значит: мы решили не пользоваться туалетом? – удивилась я. – И потом, полковнику плохо!

– И тебе сейчас не лучше будет, – неожиданно заявил приятель, – попробуй-ка почисти зубы минеральным, сильно газированным «Перье»!

– Зачем же брать для этих целей «Перье»? – окончательно растерялась я.

– Затем, что воды нет! – сообщил Кеша.

– Какой?

– Никакой! Ее отключили.

– Совсем?

– Ага, – кивнул Дегтярев, избавившись от остатков зубной пасты, – мы звонили диспетчеру, он сказал, завтра будет.

– Бред, – вскипела я, – в Ложкине всегда есть вода!
– У нас там своя скважина с насосом, – вздохнул Кеша.
– А как душ на ночь принять? – недоумевала я.
– Никак, – пожал плечами Аркашка, – вот полковник решил почистить зубы и остался недоволен. Лично я лягу спать грязным.

– Есть идея! – воскликнул Дегтярев.

– Ну? – обрадовалась я. – Говори.

– Недалеко от крыльца стоит бочка, – хитро прищурился полковник, – Кешка сейчас сгоняет в супермаркет, притащит пятилитровые бутылки с водой. Мы их туда выльем, нагреем кипятивником и вымоемся. Можно считать, что сидишь в японской бане.

– Ты еще и издеваешься! – подскочила я. – Ладно, с мытьем понятно, но, прости, конечно, как же пользоваться унитазом?

– Это к Хучику, – с абсолютно серьезной миной заявил Кеша.

– Ты о чем? – насторожилась я.

– Впрочем, можешь посоветоваться с Банди, Снапом и Черри, – засмеялся коварный Аркадий, – подскажут, под каким кустом удобнее присесть. Мы так решили – дамская половина справа от крыльца, мужская – слева!

Хохоча во все горло, Дегтярев и Аркадий ушли. Я осталась одна в совершенно бесполезной ванной комнате. Потом вспомнила, что в косметичке есть упаковка влажных салфеток, вытерла ими руки и стала думать, как снять с лица косметику.

– О-о-о, – полетел из кухни вопль, – помогите скорей!

– Сюда! Все! Быстро!

Напуганная донельзя, я вбежала в пищеблок и увидела отчаянно голосящую Зайку с... оторванной дверью холодильника в руках. На полу валялись разбитые яйца и растекалась лужа молока.

– Вот это силища! – восхитилась Маня. – Дверцу оторвала!

– Ольгунчик, – спросил Кеша, – как ты умудрилась?

– Не знаю, – затопала ногами Зайка, – она сама упала! Повесьте ее немедленно назад! Быстрее, мне тяжело!

Через несколько минут беспорядок был ликвидирован. Наши собаки не любят сырые яйца, зато кошки с огромным удовольствием вылизали линолеум.

– Завтра же купим новый рефрижератор, – злилась Ольга.

– Ерунда, – сказал Дегтярев, – зачем деньги зря тратить. Будем этот аккуратно открывать, и все!

Оставив домашних, я пошла в спальню, рухнула на продавленный матрас и попыталась заснуть, но уместиться никак не удавалось. Подо мной катались непонятные комки то ли ваты, то ли поролона. От спинки кровати пахло пылью. Повертевшись с полчаса, я встала, натянула халат и отправилась, так сказать, на пленэр².

Во дворе было очень тихо. Воздух слегка посвежел, на небе сияла огромная бело-желтая луна и сверкали крупные, неправдоподобно яркие звезды.

Я осмотрелась. Так, прямо перед носом кусты ежевики, она колется, чуть правее заросли крапивы... Выбрав удобное местечко, я залезла под дерево и вдруг увидела чуть поодаль, за стволом дерева огромную собаку, жуткую, лохматую, белую, с бешено вращающимися темными глазами. Чудище не мигая уставилось на меня.

Звуку, который вырвался из моей глотки, позавидовала бы паровозная сирена. Вмиг раздался дружный топот, и на терраске оказались Маня, Кеша, Дегтярев, все собаки, кошки... Не хватало только жабы Гертруды. Наша лягушка не так давно ухитрилась удрать из аквари-

---

² На пленэр – выражение имеет два значения: а) на свежий воздух; б) на природу, рисовать пейзаж.

ума. Она провела на воле несколько дней, а потом припрыгала домой. Может, кому и нравится свобода, но Герочка предпочла трехразовое питание и сейчас не желает даже нос высовывать наружу.

– Что ты орешь? – нервно спросил полковник.

Я стала тыкать пальцем в сторону дерева.

– Там здоровенная собака! Волкодав!

– Успокойся, мусик! – воскликнула Маня. – Она, наверное, с соседнего участка прибежала.

– Никого не вижу, кроме Зайки, – сообщил Кеша.

Я повернулась. Около толстого ствола дерева стояла растрепанная Ольга в белом махровом халате.

– Заюшка, уходи скорей! Там жуткая собачища, – испугалась я.

– О господи! – прошипела Ольга. – Тут никого нет.

– Но я только что наткнулась на чудовище!

– Тебе показалось!

– Белое, отвратительное, глаза вращаются, морда красная, – стала я описывать увиденное, – просто умереть не встать!

– Морда красная, – хихикнула Маня, – это не собака! Они же не могут изменять цвет лица.

– А кто? – окончательно испугалась я. – Кто обитает в этих кустах?

Дегтярев и Кеша переглянулись. Потом полковник начал издавать странные звуки, то ли кашель, то ли всхлипывание. Видно было, что он старается сохранить на лице серьезность. Но предательская улыбка упорно поднимала вверх уголки его губ. В конце концов полковник не выдержал и засмеялся во весь голос. К нему моментально присоединились Аркадий и Маня.

– Кто обитает в этих кустах? – всхлипнул Александр Михайлович. – Весь белый, лохматый, страшный, с красной мордой?

– Ну да, – напряглась я, – кто? Я испугалась ужасно, думала, сейчас укусит!

– Это Зайка, – простонал Дегтярев.

В полном обалдении я глянула на Ольгу.

– Ты?

Зая прищурилась.

– Давно пора очки купить! Ну разве можно так орать? И вовсе у меня лицо не красное!

– Ну, мать, ты даешь, – выдавил из себя Кеша, – сначала пугало за полковника приняла, потом Заю за волкодава.

– Пугало? – насторожился Дегтярев. – Что ты имеешь в виду?

Аркашка чуть не зарыдал от хохота.

– Ничего, кроме того, что мать выглянула из окна дома и, уставившись на жуткого уroda, сделанного Иваном из пакета с удобрениями, весьма долго кричала: «Дегтярев, привет!»

– Глупости, – фыркнул Александр Михайлович.

Я же никак не могла прийти в себя.

– Зайка, что же ты делала в кустах?

Ольга выбралась на дорожку, отряхнула белый халатик, пригладила торчавшие дыбом волосы, поднялась на террасу и заявила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.